

Джон Ле Карре
Звонок мертвецу. Убийство
по-джентльменски (сборник)
Серия «Джордж Смайли»
Серия «Золотой век английского детектива»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8592547
Звонок мертвецу. Убийство по-джентльменски: [романы]: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-083870-7

Аннотация

Известие о самоубийстве чиновника министерства иностранных дел Сэмюэла Феннана озадачило Джорджа Смайли. Ведь у Феннана не было причин добровольно расстаться с жизнью. Тогда действительно ли это было самоубийство? Возможно, Феннана просто убрали? Но кто и почему?...

Смайли не принимает всерьез просьбу своей давней приятельницы мисс Бримли защитить ее подругу Стеллу Роуд, заявляющую, что ее готов убить собственный муж. Однако вскоре Стеллу действительно убивают, и Смайли вскоре понимает: мотивы преступления следует искать отнюдь не в семейных отношениях супругов...

Содержание

Звонок мертвецу	4
От автора	4
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	36
Глава 7	43
Глава 8	47
Глава 9	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Джон Ле Карре

Звонок мертвецу. Убийство по-джентльменски (Сборник)

Звонок мертвецу

От автора

Март 1992 года

За исключением, вероятно, самой той персоны, у которой берут интервью, нет никого более предсказуемого, чем интервьюер, и, по моему личному опыту, они делятся на две категории, можно даже сказать – на две возрастные группы. Те, кому перевалило за сорок, нервно поглядывают на мои седины и в той или иной форме допытываются: долго ли я еще протяну? Не достигшие сорока и еще лелеющие надежду, что сами в будущем могут стать писателями, неизменно интересуются: как я начинал? Поскольку «Звонок покойнику» был моей первой книгой, я не стану здесь отвечать на вопрос старших, ответа на который у меня нет все равно, и расскажу о начале своего пути в литературе.

Я начал писать, потому что сходил с ума от скуки. Не от той апатичной, ленивой скуки, которая мешает вставать по утрам с постели, а от бесцельных метаний, гонки по замкнутому кругу в поисках стоящего занятия, которого не мог для себя найти. Я попробовал роль учителя для «отстающих» детей, и, как выяснилось, у большинства из них проблема была та же: они страдали от невыносимой скуки. В классе они садились на задние парты и изнывали от тоски. Я попытался преподавать в Итоне, но там я часто чувствовал себя моложе своих учеников и так же, как и они, имел потребность в хорошем наставнике. И, уж конечно, меня не радовала перспектива, которую я видел в конце длинного коридора жизни: директор школы к сорока, выход на пенсию в шестьдесят, уютный домик в Девоне, и единственное желание – Боже, даруй мне спокойный сон в эту славную ночь.

Преподавательскую деятельность во время школьных каникул я пробовал совмещать с работой художника в коммерческой рекламе, но тоже без особого успеха. Чтобы труд приносил удовлетворение, все, что я рисовал или писал, должно было по меньшей мере объяснять смысл жизни. Но много ли возможностей вложить душу в творчество, когда ты всего лишь оформляешь суперобложки для детских книг, получая по восемь фунтов за штуку?

Что до писательства, то, если не считать детских стихотворений, я за все те годы создал только одно произведение. Пока я еще преподавал в Итоне, издательство «Бодли хед» попросило меня написать экзаменационный текст для чтения на немецком языке, рассчитанный на студентов со средним уровнем подготовки. И я написал для них рассказ об уличном художнике, который в один прекрасный день создал пастелью на мостовой пешеходной зоны Трафальгарской площади подлинный шедевр: «Мону Лизу». Даже лучше. И он знал. Надвигался дождь, наступали часы пик. Никакого фиксатора у него не было. А плиты мостовой принадлежали не ему, а городскому совету. Задним числом я понял, что написанная мной история могла послужить прямой метафорой к моему собственному нереализованному таланту, пусть я и не знал, в чем именно он заключался, который не хотели замечать спешащие по

своим делам люди. Надо ли говорить, что рассказ совершенно не соответствовал тем целям, которые поставили передо мной редакторы «Бодли хед», и они его завернули. Годы спустя Грэм Грин, который публиковался в «Бодли хед» и был у них кем-то вроде директора на общественных началах, написал мне письмо с предложением сотрудничать с ними. Но вот вам характер типичного писателя: я их не простил за первый отказ и не прощу никогда.

Уйдя из учителей, я вновь вернулся в коридоры власти Уайтхолла и уже скоро работал в одном страшно секретном здании Уэст-Энда, хотя каждый лондонский таксист знал, что в нем располагалась МИ-5 – государственная британская служба контрразведки. Пять дней в неделю я вставал в шесть утра, завтракал, совершал получасовую прогулку до вокзала в Грейт-Миссендене, городке, где я тогда жил, шестьдесят пять минут ехал поездом до Марилебон, а оттуда автобусом добирался до Леконфилд-Хауса на Керзон-стрит, где на входе показывал пропуск. После работы я возвращался тем же путем, но частенько оказывался дома с верной женой и маленьким сыном не раньше десяти или одиннадцати вечера.

Мир, окружавший меня в Лондоне, был миром, состоявшим исключительно из бумаг. Секретная служба держится на досье, я стал одним из пехотинцев той армии, которая их составляла. Подобно Бобу Крэтчиту¹ в его каморке, я упорно трудился с утра и нередко до позднего вечера над личными делами людей, с которыми никогда не встречался: можем ли мы доверять ему? Или ей? Могут ли им доверять их работодатели? Может ли он стать предателем, шпионом, отчаявшимся одиночкой, может ли быть путем шантажа завербован нашими неразборчивыми в средствах врагами? Таким образом, я, который до сих пор не повзрослел настолько, чтобы разобраться в себе самом, получил поручение выносить суждения о поведении и личной жизни других людей. При этом я совершенно не разбирался в том, как устроен реальный мир, – мне был ведом только свой. Единственными ключами к пониманию чужих характеров служили черты моей собственной натуры. А поскольку натурой я был многогранной, то воображаемые мосты, которые я возводил между собой и моими бумажными подозреваемыми, неожиданно создали мне репутацию толкового работника, умеющего видеть и ясно излагать материал. На самом деле это совершенно не соответствовало действительности. Я занимался лишь тем, что лепил якобы реальные человеческие характеры из такой скудной глины, как данные прослушки телефонных разговоров, перлюстрации и донесения агентуры. Все остальное мои подозреваемые получали от меня лично. Трудно назвать подобную работу добросовестной, но среди окружавшей меня посредственности даже она легко сходила за таковую. И, как выяснилось, стала превосходной подготовкой к дальнейшей карьере, которую тогда сознательно я все еще для себя не избрал: а именно – к писательству.

Гораздо позже я понял, что романист воспринимает своих персонажей с тем же завуалированным непониманием, с каким ребенок относится к взрослым. Он рассматривает их с такой же смесью отстраненности и подозрительности, с такой же болью и удивлением, которые перемежаются со вспышками изменчивой любви. И, наблюдая за ними, он заносит каждого в свой потайной bestiary, чтобы мысленно восхищаться ими, подражать им или же отвергать и даже наказывать. Скрытый от посторонних глаз мирок контрразведки создает своим обитателям удивительно благоприятную среду для сохранения подобного детского восприятия. Внутри своих стен мы, молодые сотрудники, ощущали себя вполне сформировавшимися, зрелыми людьми. Но стоило выпустить нас в среду по-настоящему взрослых людей, как мы терялись, словно несмышленные дети.

Именно об этом в «Звонке мертвецу» Эльза Феннан говорит Джорджу Смайли при их первой встрече.

¹ Боб Крэтчит – персонаж книги «Рождественские истории» Ч. Диккенса. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Однако, помимо своих бумаг и досье, я, конечно же, был окружен коллегами и никогда не встречал более странного сообщества людей. Мир секретных служб так же реален, как и обычный мир, но, как сказал Кестлер² про мир евреев, еще более реальный. Наделавший потом много шума Питер Райт³ тоже ведь ходил одними с нами коридорами и, вероятно, как я сам, подсознательно готовил себя к будущей карьере литератора. Наши начальники ненавидели друг друга по причинам, о которых нам не положено было знать. Но еще больше они ненавидели вторую спецслужбу, приходившуюся нам родной сестрой, – МИ-6 – главное разведывательное ведомство Великобритании. Они, кроме того, ненавидели политиков, коммунистов и очень многих репортеров. Как теперь всем известно, они ненавидели премьер-министра Гарольда Вильсона и его «кухонный» кабинет. Нервная обстановка в нашем учреждении порой просто пугала. Люди, которые еще вчера работали с тобой бок о бок, могли назавтра исчезнуть. Были они уволены или отправлены куда-либо с секретной миссией, нам опять-таки не дано было знать. Как правило, их все же увольняли. Из этих таинственных появлений и исчезновений коллег я позднее соткал историю Алека Лимаса в «Шпионе, пришедшем с холода», чье увольнение оказалось хитроумной уловкой. Увы, на деле все обстояло куда проще. Большие мастера своего дела соседствовали с вопиюще некомпетентными сотрудниками, и, будучи новичком, ты никак не мог предвидеть, с чем столкнешься в следующий раз.

Поначалу тебе даже казалось, что дураки только разыгрывают из себя дураков, участвуя в какой-то тонко задуманной обманной операции. Или что на самом деле существует какая-то другая, настоящая и эффективная секретная служба. Позже в своих произведениях я именно такую службу и выдумал. Но, к сожалению, реальность оборачивалась сплошной посредственностью. Полицейские из бывших колоний, смешиваясь с неудачниками-учеными, неудачниками-юристами, неудачниками-миссионерами и потерпевшими крах светскими львицами, способствовали тому, что в нашей прославленной столовой царила атмосфера пикника для ветеранов. От каждого слегка пахло пережитыми неурядицами. И только со временем я понял, что наша служба все же обладает собственным лицом, а у всех выработалась общая привычка: встретиться с тобой взглядом, потом отвести глаза в пол, затем в сторону – взгляды тянулись к тебе, а потом сразу все же отторгали. Изолированность и замкнутость в себе каждого из нас напоминала странные пузыри на картинах Иеронима Босха – заключенным в них людям не дано слиться в поцелуе или прикоснуться к другим. Об этом я тоже много позже написал в «Секретном пилигриме».

Вероятно, нас до такой степени разобщал сам секретный характер нашей работы, ощущение, что ты знал больше или (Боже, сохрани) меньше, чем твой коллега. Именно тайны были нашей валютой, и человек, владевший наибольшим количеством информации, чувствовал и наибольшее довольство собой. Только временами, посещая студии Би-би-си или получая приглашения на приемы в «великие» британские газеты, я ощущал атмосферу такого же взаимного недоброжелательства и зависти.

Но для человека, в котором подспудно и еще неведомо для него самого созрел будущий писатель, не было ничего лучше, чем эта тоскливая обстановка мира спецслужб.

Окончательно подтолкнул меня к занятиям литературой Джон Бингем – здесь нет никаких сомнений. Джон внешне несколько походил на Смайли и писал свои детективы в обещанные перерывы. Позже – и не совсем по своей вине – он стал графом, чего я не простил бы ни одному человеку, обладающему чувством юмора. Но он оставался хорош в любой роли – графа или шпиона: добрым, любезным, проницательным человеком, бывшим журналистом, бывшим членом контрольной комиссии. Профессионалом разведки до мозга костей. И он

² Кестлер, Артур (1905–1983) – британский писатель и журналист, уроженец Венгрии, еврейского происхождения.

³ Имеется в виду бывший офицер МИ-5, автор скандальной книги «Ловец шпионов».

живо напоминал человека, оказавшего на меня еще большее влияние на раннем этапе жизненного пути: Вивиана Грина, который начинал капелланом в моей средней школе и триумфально увенчал профессиональную карьеру постом ректора Линкольн-колледжа в Оксфорде. Если у меня когда-то и был исповедник, то это Грин, а Джон Бингем с его рассеянной манерой поведения, но с чрезвычайно острым взглядом и с чутким слухом стал для меня его заменой на секретной службе. Но если Вивиан Грин создавал научные трактаты об Уэсли и о поздних Плантагенетах, то Бингем писал беллетристику и делал это у меня на глазах.

Его примера для меня оказалось более чем достаточно. Я был уже готов попробовать сам. И меня несколько не удивляет, что, создавая в воображении своего главного героя Джорджа Смайли, я придал ему частичку мудрости Вивиана Грина наряду с глубокими научными познаниями, но в то же время наделил такими чертами Бингема, как недюжинная изобретательность и, в конце концов, элементарный патриотизм. Ведь любой литературный персонаж представляет собой сплав, составляющие которого авторы черпают из куда более глубоких источников, чем характеры людей, которых они встречают в реальной жизни. Каждый герой книги, подобно несчастным подозреваемым из моих досье, подвергается рихтовке и обработке авторским воображением, пока не становится, вероятно, в большей степени похож на него самого, чем на кого-либо другого. Но теперь, когда Бингем уже умер и превознесен до небес самозванными историками секретной службы, будет только справедливо, если и я отдам ему долг не просто как прототипу Джорджа Смайли, но и как человеку, который высек искру, пробудившую к жизни мотор моей литературной карьеры.

Я писал в дешевых ученических тетрадках. В поездах из Грейт-Миссендена и обратно, во время обеденных перерывов, в серые предутренние часы перед отъездом на работу. Энн – в то время моя жена – перепечатывала написанное; жили мы бедно, но брали напрокат пишущую машинку «Оливетти» за несколько шиллингов в неделю. При чем писал я, что называется, сразу набело, не утруждая себя продумыванием будущих сюжетов, схемами и предварительными набросками. При этом я не имел ни малейшего понятия, куда эта писанина пойдет. Но у меня был Смайли и ящики с досье на мужчин и женщин, которых по долгу службы я в чем-то подозревал, хотя никогда не встречался с ними лично. И еще у меня оставалась в памяти маленькая француженка, лежавшая с переломами в больнице, когда вскоре после войны я отправился кататься на горных лыжах в Шамони. Мы жили с ней в одном отеле, и, когда управляющий сообщил, что она сломала себе обе ноги, я считал своим долгом навестить ее.

Она лежала на спине с ногами на вытяжке, миниатюрная женщина лет пятидесяти с короткими, обесцвеченными перекистью водорода волосами и с большими губами, нарисованными помадой поверх на самом деле маленького и тонкогубого рта. Она со смехом рассказала мне, что всю войну сражалась в рядах Сопротивления. Ее забрасывали на парашюте в различные районы Франции бесчисленное число раз – она уже и не помнила, сколько именно. И она никогда ничего себе не ломала. Для этого нужно было отправиться кататься на лыжах! Снова смех. А волосы! – взволнованно начала объяснять она. Ее волосы, как она теперь опасалась, так уже никогда и не отрастут. Последний военный год она провела в концлагере, рассказывала женщина, словно речь шла о каникулах на Ривьере. И там, конечно же, всем обривали головы наголо. У многих волосы тут же снова начинали нормально расти, но только не у нее, говорила она все с тем же самоуничижительным смешком. Чего она потом только не перепробовала – мази, лосьоны, кремы, порошки, но все тщетно. Потом я скопировал с нее свою Эльзу Феннан.

Когда книга была закончена, я начал опасаться, что у меня начнутся проблемы. Я, разумеется, ни с кем не советовался, насколько уместно писать шпионский детектив, находясь на службе в разведке, а теперь, как я слышал, каждый новый сотрудник дает обязательство ничего подобного не делать и только при таком условии получает работу. Кроме того,

я был осведомлен, что у моего ведомства достаточно негласных связей и влияния, чтобы положить под сукно любое сочинение, не получившее официального одобрения. А потому я послал рукопись нашему юридическому советнику Бернарду Хиллу, который всегда казался мне самым скучным человеком даже в нашей компании скучнейших в мире людей, и, представьте, уже через пару дней он вернул мне книгу с запиской, где говорилось, что он получил от чтения огромное удовольствие. Хилл попросил меня внести лишь одно изменение, на что я охотно пошел. Причем речь шла не об угрозе безопасности – просто он посчитал, что один из пассажей может быть сочтен клеветническим. Он также посоветовал мне взять псевдоним. Посасывая трубку, Хилл заявил, что это будет умным ходом с моей стороны, и пожелал удачи.

Затем, когда издатель Виктор Голланц, принял рукопись в печать, я спросил, какой псевдоним мне выбрать. Он рекомендовал, что-нибудь короткое и англосаксонское. Например, Чанк Смит или Хэнк Браун. Но я решил стать Ле Карре. Одному Богу известно, почему и откуда я взял эту фамилию, но совет Голланца не пришелся мне по душе. Когда репортеры достают меня вопросами на эту тему, я говорю, что увидел такую фамилию на вывеске магазина, когда ехал в лондонском автобусе. Это не так. Я не знаю, откуда она взялась. И впредь не забывайте: нельзя верить писателю, когда он утверждает, что говорит вам чистую правду.

Глава 1

Краткое жизнеописание Джорджа Смайли

Когда леди Энн Серком ближе к концу войны вышла замуж за Джорджа Смайли, она объясняла свой поступок изумленным подругам из светских кругов Мейфэра тем, что будущий супруг показался ей неотразимо заурядным. Когда же два года спустя она бросила его и сбежала со знаменитым кубинским автогонщиком, то сделала загадочное заявление. Дескать, если бы она не ушла от него сейчас, то не смогла бы уже никогда. По такому случаю виконт Солей специально отправился в свой клуб, где язвительно заметил, что кот наконец сбежал из мешка. В том смысле, что тайное стало явным.

Эта ремарка какое-то время считалась одной из самых удачных остроумцев сезона, хотя понять ее смысл до конца могли только те, кто знал Смайли лично. Низкорослый, полноватый, по натуре невозмутимый, он тратил немалые деньги на очень плохие костюмы, которые сидели на его приземистой фигуре как сморщенные шкурки на жабе. Между прочим, еще во время свадьбы тот же Солей шутил, что «Серком выходит замуж за бойцовую лягушку в зюйдвестке». А бедняга Смайли, не слышавший этого злого сравнения, на глазах у всех проковылял по центральному проходу церкви, чтобы получить поцелуй, так и не превративший его в прекрасного принца.

Был ли он состоятелен, крестьянского или духовного сословия? И вообще, где она такого откопала? Очевидность мезальянса только подчеркивалась несомненной красотой леди Энн, а его загадочность усугублялась диспропорциями телосложения жениха и невесты. Но ведь сплетня все окрашивает в черно-белые тона, награждая своих героев любыми грехами и странными мотивами, которые легко укладываются в стенографический стиль салонной болтовни и еще легче забываются. А потому Смайли, не окончивший дорогой частной школы, не имевший знатных родителей, не служивший в королевской гвардии, не будучи ни богат, ни беден, скоро оказался в хвосте мчавшегося вперед экспресса светской жизни, а после того, как развод стал свершившимся фактом, остался пылиться, как чемодан, забытый в камере хранения на полке утративших актуальность вчерашних новостей.

Впрочем, отправившись за своей звездой автогонок на Кубу, леди Энн еще не раз вспоминала Смайли и с невольным восхищением тайно признавала, что если в ее жизни и присутствовал настоящий мужчина, то это был именно он. Еще позже она ставила себе в заслугу, что продемонстрировала понимание этого, сочетавшись с ним священными узами брака.

Эффект, произведенный отъездом леди Энн на ее бывшего мужа, не представлял интереса для светского общества, которое быстро забывает сенсации. И все же интересно, что подумал бы Солей и ему подобные, если бы могли наблюдать реакцию Смайли на события, видели его мясистое лицо с очками на носу и глаза, внимательнейшим образом вчитывавшиеся в строки стихов второстепенных немецких поэтов, а также то, как он стискивал при этом в кулаки плотные и потные ладони под чересчур длинными рукавами рубашки? Но Солей лишь отмахнулся, выдав по сему случаю очередной каламбур: «Partir c'est courir un peu»⁴, — и его совершенно не волновало, что в то время, как леди Энн просто сбежала, какая-то часть души Смайли действительно умерла.

А та часть, что уцелела, казалась такой же несовместимой с его внешними данными, как любовь к красивой женщине или увлечение непризнанными поэтами. Речь о его профессии офицера разведки. И свою работу он очень ценил. Она имела еще и то преимущество, что окружавшие его коллеги отличались в массе своей таким же спокойствием и невзрачной

⁴ Намеренно искаженное французское выражение: расставание — это маленькая смерть.

внешностью, как и он сам. Секретная служба открывала перед Смайли возможность заниматься тем, что давно казалось ему увлекательнейшим делом на свете: исследовать таинственные свойства человеческого поведения и проверять на практике умозрительные дедуктивные выводы, что весьма благоприятно сказывалось на дисциплине мышления.

Где-то в двадцатых годах Смайли окончил не слишком престижную школу и объявился в сумрачных коридорах столь же заштатного колледжа в Оксфорде. В то время он мечтал лишь о должности младшего научного сотрудника и о жизни, посвященной никому не известным пиитам Германии XVII столетия. Но куратор Смайли, знавший, что тот способен на большее, мудро не позволил ему потратить время на получение скромных почестей ученого мужа, которые он, несомненно, с течением времени заслужил бы. А потому приятным июльским утром 1928 года озадаченный и слегка покрасневший Смайли предстал для собеседования перед советом директоров Комитета по научным исследованиям за рубежом – организации, о существовании которой прежде не знал. Джебеди (тот самый куратор) был странно уклончив, отвечая на вопросы:

– Поговори с этими людьми, Смайли. Ты можешь им подойти, а платят они достаточно мало, чтобы твоими будущими коллегами стали вполне достойные парни.

Но Смайли был раздражен и не скрывал этого. Его в первую очередь беспокоило именно то, что Джебеди, обычно предельно откровенный, напустил столько тумана. Но после короткой перепалки скрепя сердце согласился повременить с ответом колледжу Всех Святых и встретиться сначала с «таинственными людьми», которым его рекомендовал Джебеди.

Членов совета ему не представили, но половину из них он узнал, поскольку видел раньше. Там был Филдинг – специалист по эпохе Средневековья из Кембриджа, Спарк из школы восточных языков и Стид-Эспри, ужиная за Высоким столом в тот вечер, когда Смайли пригласили туда как гостя Джебеди. Смайли мысленно признал, что состав совета произвел на него изрядное впечатление. Необходимо было по меньшей мере чудо, чтобы тот же Филдинг покинул свой факультет, не говоря уж о Кембридже. Позже Смайли неизменно вспоминал о том собеседовании как о своеобразном и забавном танце, продуманной последовательности па, каждое из которых давало чуть больше информации и приоткрывало что-то новое в деятельности загадочной организации. Закончилось тем, что Стид-Эспри сдернул последний покров тайны и правда предстала во всей своей поразительной наготы. Ему предлагали работу в ведомстве, которое Стид-Эспри, подыскав наиболее благозвучное определение, несколько смущенно назвал «секретной службой».

Смайли попросил время на размышления. Ему дали неделю. О жалованье речь не заходила вообще.

В ту ночь он остался в Лондоне в довольно-таки приличном отеле и даже отправился в театр. В голове царила поразительная легкость, что его немного тревожило. Он знал, что примет предложение, что мог ответить согласием сразу же после встречи с советом директоров. Только инстинктивная осторожность и, возможно, простительное желание подразнить Филдинга не позволили ему сделать этого.

Вслед за одобрением его назначения последовала подготовка: сельские усадьбы без названий, инструкторы, не называвшие своих имен, многочисленные разъезды и надвигавшаяся перспектива еще более дальней поездки с фантастической возможностью работать в полном одиночестве.

Его первое оперативное задание оказалось даже относительно приятным: командировка на два года на должность *englischer Dozent*⁵ в провинциальный университет Германии: лекции о творчестве Китса и каникулы в баварских охотничьих домиках с группами

⁵ Английского доцента (нем.).

серьезных и абсолютно неразборчивых в связях немецких студентов. Под конец каждого из длительных каникулярных периодов он даже привозил некоторых с собой в Англию, уже пометив вероятные кандидатуры и тайно переправив на явочный адрес в Бонне свои рекомендации, но при том за все эти два года он так и не узнал, прислушивался ли кто-то к его отзывам или же их полностью игнорировали. У него не было даже возможности выяснить, разговаривал ли кто-нибудь с отобранными им кандидатами. Да что там – он не ведал даже, доходили ли его секретные донесения до адресата, поскольку не вступал ни в какие контакты со своим департаментом во время кратких визитов на родину.

Выполняя эту работу, он испытывал противоречивые, порой плохо уживавшиеся друг с другом эмоции. С одной стороны, было занятно, заняв позицию стороннего наблюдателя, оценивать то, что его научили называть «агентурным потенциалом» человека; разрабатывать собственные тонко продуманные тесты на проверку черт характера и возможные линии поведения, которые давали информацию о пригодности или непригодности кандидатуры.

В этой части своей деятельности Смайли являл собой образец хладнокровия и полнейшей объективности, то есть играл по правилам подлинного специалиста своей профессии, не считаясь с моральной стороной дела и не имея другой мотивации, кроме личного удовлетворения от проделанной работы.

С другой стороны, он с грустью отмечал, как в нем постепенно отмирает способность просто наслаждаться жизнью. Сдержанный от природы, он обнаружил, что научился подавлять в себе последние зачатки тяги к сближению, дружбе, взаимному доверию; он держался настороже и не позволял себе ни на что реагировать спонтанно. Силой интеллекта он заставлял себя наблюдать за человеческими особями с точки зрения почти клинической, но, сознавая, что его жизнь не бесконечна и сам он порой далеко не безгрешен в своих выводах, начинал порой ненавидеть и бояться фальши, которой наполнилось его существование.

При этом Смайли оставался человеком сентиментальным, и долгая отлучка только усилила его и без того глубокую любовь к Англии. Он с жадностью подпитывал себя воспоминаниями об Оксфорде, его красоте, рациональной легкости тамошней жизни, зрелой неторопливости выносившихся там суждений. Он мечтал об осенних каникулах в Харленд-Ки, о долгих пеших прогулках по крутым тропам среди скал Корнуолла, где его гладкое разгоряченное лицо обдувал бы свежий морской ветер. Это была другая сторона его тайной жизни, а потом ему быстро стала ненавистна нарождавшаяся новая вульгарная Германия, крикливые и безликие студенты в мундирах, их наглые, покрытые шрамами лица и предельно упрощенные ответы на любые вопросы. Не мог он спокойно воспринимать и возмутительно изменившееся отношение к своему любимому предмету – к его бесценной немецкой литературе. И была ночь, та жуткая ночь 1937 года, когда Смайли стоял у окна и смотрел на огромный костер в центре университетского двора: вокруг костра стояла плотная толпа студентов с радостно-возбужденными лицами, на которых играли отблески яркого пламени. И в этот поистине языческий огонь они сотнями бросали книги. Он знал, кто их авторы: Томас Манн, Гейне, Лессинг и многие другие. И Смайли, держа сигарету в потной ладони, наблюдал за всем этим с ненавистью, но и с торжеством, потому что знал теперь своих врагов очень хорошо.

1939 год он встретил в Швеции как аккредитованный торговый представитель широко известной швейцарской фирмы, производившей стрелковое оружие, – благо его связям с компанией заблаговременно придали вид давней истории. Очень кстати пришлось и изменение внешности, а Смайли обнаружил к этому незаурядные способности, которые шли гораздо дальше перекраски волос в другой цвет или отращивания усов. Эту роль он играл четыре года, постоянно перемещаясь между Швейцарией, Германией и Швецией. Никогда прежде он и не представлял, что человек может испытывать страх в течение столь длительного времени. У него развился нервный тик левого глаза, который не прошел и пятнадцать

лет спустя; от постоянного напряжения глубокие морщины пролегли на мясистом лице и в уголках глаз. Он узнал, что такое почти не спать, не иметь права расслабиться, в любое время дня и ночи чувствуя учащенное биение собственного сердца. Ему стали знакомы ощущения бесконечного одиночества и жалости к себе, как и внезапное иррациональное желание немедленно овладеть женщиной, напиться, приступить к физическим упражнениям – то есть любым способом снять стресс, преследовавший его.

И в этих условиях он умел заниматься нормальной с виду коммерцией, прикрывавшей тайную работу секретного агента. С течением времени шпионская сеть разрасталась, особенно по мере того, как другие страны очнулись и стали компенсировать проявленные в свое время беспечность и полную неготовность к войне. В 1943 году Смайли был отозван. Шесть недель он рвался обратно, но его так и не отпустили.

– Ты свое отработал, – сказал Стид-Эспри. – Теперь занимайся подготовкой новичков и просто отдохни. Женись, что ли. Одним словом, дай пружине разжаться.

И Смайли сделал предложение секретарше Стида-Эспри – леди Энн Серком.

Война закончилась. Ему щедро заплатили, и вместе с красавицей женой он отправился в Оксфорд, чтобы посвятить себя изучению безвестных немецких поэтов XVII века. Но уже через два года леди Энн занесло на Кубу, а показания русского шифровальщика, перебежавшего из посольства в Оттаве, породили повышенный спрос на людей с тем опытом, который имел за плечами Смайли.

Работа оказалась новой, угроза не столь прямой, как прежде, и поначалу это доставляло Смайли удовольствие. Но в разведку стали приходить молодые люди со свежим взглядом на мир. Повышение Смайли больше не светило, и постепенно он осознал, что стал пожилым человеком, непостижимым образом миновав стадию зрелости, и что его – со всей обходительностью – убрали на задворки профессии.

Все менялось. Стид-Эспри удалился на покой; от новых реалий он сбежал в Индию в попытке познать иную цивилизацию. Джебеди сгинул. В 1941 году вместе со своим радиостом, молодым бельгийцем, он сел на поезд в Лилле, и с тех пор оба бесследно исчезли. Филдинг с головой ушел в докторскую диссертацию о Роланде. Остался только Мастон, завербованный во время войны, типичный карьерист, советник кабинета министров по вопросам разведки и, по словам Джебеди, «первый, кто начал на Уимблдоне играть в силовой теннис». Создание НАТО и радикальные меры, к которым хотели прибегнуть американцы, в корне изменили ту секретную службу, к которой привык Смайли. Минули времена Стида-Эспри, когда приказы по большей части раздавались за бокалом портвейна в его кабинете на Модлин-стрит. Ушел в прошлое вдохновенный дилетантизм кучки высококвалифицированных низкооплачиваемых специалистов, сменившийся эффективностью, бюрократией и бесконечными внутренними интригами крупного государственного учреждения, которое полностью контролировал Мастон с его дорогими костюмами, рыцарским званием и внушительной седой шевелюрой в тон галстукам в серебристых тонах. Мастон, никогда не забывавший о дне рождения своей секретарши, обладавший манерами, о которых ходили легенды среди дам из картотеки. Мастон, ухитрявшийся под благовидными предложениями неустанно расширять свою империю и с притворными сожалениями переезжать во все более просторные здания. Мастон, устраивавший знаменитые званые вечера у себя дома в Хенли и всегда ловко снимавший пенки с любого успеха своих подчиненных.

Во время войны Мастона вытаскивали из какого-то заурядного гражданского министерства. Это был профессиональный чиновник, все таланты которого заключались в том, чтобы складно сочинять отчеты и создавать из штата сотрудников безукоризненно работавший бюрократический механизм. Но Великим было приятно иметь дело именно с такой личностью – хорошо им знакомым типом, который умел обратить любой тревожно яркий цвет в спокойный серый, знал привычки начальства и вращался в самых высоких сферах. Чувство-

вал он себя при этом раскованно и непринужденно. Им нравилась смиренная робость его извинений за людей, к услугам которых он вынужден был прибегать, нагловатая неискренность его оправданий порой чересчур экстравагантных выходов своих сотрудников, гибкая готовность взять на вооружение любую новую доктрину. Не упускал он и случая как бы нехотя воспользоваться репутацией «рыцаря плаща и кинжала», причем в плащ закутывался перед своими хозяевами, а кинжал приберегал для собственных верных слуг. Впрочем, со стороны его позиции выглядели до странности шаткими. Номинально он не считался главой секретной службы, числясь всего лишь советником кабинета министров, за что и получил от Стида-Эспри пожизненное прозвище Верховного евнуха.

Для Смайли это был совершенно иной мир: ярко освещенные коридоры, по которым сновали с иголки одетые молодые люди. Он чувствовал себя пешеходом среди моря автомобилей, ощущал свою старомодность и ностальгировал по неухоженному, построенному угловатыми уступами зданию в Найтсбридже, где все когда-то начиналось. Этот дискомфорт нашел отражение даже в его внешности – он словно бы заметно сдал физически, еще больше ссутулился и походил на жабу, как никогда прежде. Он часто моргал, за что его прозвали Кротом. Но вот его молоденькая секретарша обожала своего шефа и за глаза называла исключительно «мой очаровательный медвежонок».

Теперь Смайли считался уже слишком старым, чтобы выполнять задания за рубежом. Мэстон сам недвусмысленно объявил ему об этом:

– Вы, дорогой коллега, слишком истощены перипетиями войны. Вам, старина, лучше оставаться на родине и следить, чтобы не погас огонь в нашем домашнем очаге.

Но это лишь отчасти объясняет, почему в два часа ночи на четвертое января Джордж Смайли сидел в лондонском такси, направлявшемся на Кембридж-серкус.

Глава 2

Мы никогда не закрываемся

В такси он чувствовал себя в безопасности. В безопасности и тепле. Причем тепло было контрабандой похищено из постели и пронесено через сырость январской ночи.

А ощущение безопасности возникало от нереальности происходившего: это его призрак ехал сейчас по улицам Лондона, обращая внимание на грустные фигуры поздних искателей развлечений, прятавшихся под стандартными черными зонтами, и на проституток в подарочных обертках из прозрачных полиэтиленовых плащей. Это всего лишь его призрак, решил он, мог очнуться от глубокого сна и прекратить трезвон телефона на прикроватном столике... Оксфорд-стрит... Почему именно Лондон из всех столиц мира ночью терял свое неповторимое лицо? Укутываясь плотнее в пальто, Смайли не мог припомнить ни одного другого города от Лос-Анджелеса до Берна, который с такой легкостью отказывался от ежедневной борьбы за свою уникальность.

Такси свернуло на Кембридж-серкус, и Смайли резко выпрямился на сиденье. Он вспомнил, почему звонил дежурный офицер, и от воспоминания окончательно вышел из дремоты. Разговор он запомнил дословно, что для его памяти было равносильно небольшому подвигу, которого она давненько не совершала.

– Вас беспокоит дежурный офицер, Смайли. У меня на линии ждет Советник...

– Смайли? Говорит Мاستон. Это вы проводили в понедельник беседу с Сэмюэлом Артуром Феннаном из министерства иностранных дел, или я ошибаюсь?

– Да... Да, это был я.

– В чем там суть дела?

– Анонимное письмо с обвинением в принадлежности к компартии во время учебы в Оксфорде. Обычный разговор с санкции директора по безопасности.

(Феннан не мог пожаловаться, подумал Смайли, он знал, что я снял все вопросы. Не было ничего необычного. Абсолютно ничего.)

– Вы не пытались надавить на него? Скажите мне откровенно, Смайли, между вами возникла враждебность?

(Боже, судя по голосу, он напуган. Неужели Феннан смог натравить на нас весь кабинет министров?)

– Нет. Напротив, беседа протекала исключительно в дружеских тонах. Мне кажется, мы понравились друг другу. Должен признать, я даже в некотором смысле вышел за привычные рамки.

– В каком смысле, Смайли? В каком?

– Я более или менее ясно дал ему понять, что волноваться не о чем.

– Что?

– Я сказал ему, что беспокоиться не стоит. Мне показалось, что он несколько взвинчен, я счел своим долгом унять его волнение.

– Что конкретно вы ему сказали?

– Сказал, что хотя не имею полномочий делать такие заявления официально от имени нашей службы, у меня нет причин полагать, что мы снова потревожим его по данному вопросу.

– И это все?

Смайли секунду помедлил с ответом – он прежде никогда не знал подобного Мастона, до такой степени не уверенного в себе.

– Да, это все. Абсолютно все. (Он ни за что мне этого не простит. Вот тебе и прославленная невозмутимость, кремовые рубашки, серебристые галстуки и изысканные обеды с министрами!)

– Он утверждает, что вы подвергли сомнению его лояльность, что его карьере в МИДе теперь конец, что он стал жертвой клеветников, которым хорошо заплатили.

– Что-что он утверждает? Он, вероятно, просто сошел с ума. Ему прекрасно известно, что все подозрения с него сняты. Чего он добивается?

– Ничего. Он мертв. Покончил с собой в десять тридцать прошлым вечером. Оставил письмо на имя министра иностранных дел. Полицейские позвонили одному из его секретарей и получили разрешение вскрыть письмо. После чего информировали нас. Теперь не избежать расследования, Смайли. Вы ведь уверены, не так ли?

– Уверен в чем?

– Ладно, оставим это. Приезжайте как можно скорее.

Ему потребовалась целая вечность, чтобы вызвать такси. Он позвонил по телефонам трех парков, но нигде не ответили. Наконец в гараже на Слоун-сквер трубку сняли, и Смайли ждал, стоя в пальто у окна спальни, пока не заметил подъехавшую к его дверям машину. Ему это напомнило бомбардировки, пережитые в Германии: такое же нереальное ощущение тревоги посреди глубокой ночи.

На Кембридж-серкус он остановил такси в ста ярдах от входа в контору – отчасти по привычке, отчасти чтобы в голове немного прояснилось перед ожидаемым потоком вопросов Мастона.

Показав пропуск констеблю в вестибюле, он медленно дошел до лифта.

Дежурный офицер с заметным облегчением поздоровался, когда он вышел на нужном этаже, и они вместе двинулись вдоль коридора с окрашенными в светло-кремовый цвет стенами.

– Мастон уехал на встречу со Спэрроу в Скотленд-Ярд. Там началась ссора из-за того, какому из полицейских управлений вести дело. Спэрроу кивает на особый отдел, Ивлин настаивает на уголовном розыске, а полиция графства Суррей пока еще вообще не знает, что случилось на их территории. Дальше ехать некуда. Пойдем и выпьем кофе в норе, отведенной для дежурных офицеров. Кофе паршивый, но лучше, чем ничего.

Смайли был рад, что в эту ночь дежурил Питер Гиллам. Образованный, вдумчивый сотрудник, чьей специальностью был спутниковый шпионаж, а по натуре – добрая душа, у кого всегда можно было одолжить расписание пригородных поездов или перочинный ножик.

– Из особого отдела позвонили в пять минут первого. Жена Феннана ходила в театр и нашла его только по возвращении домой в десять сорок пять. Она и вызвала полицию.

– Он жил где-то в Суррее, как я понял?

– В Уоллистоне рядом с кингстонской объездной дорогой. Буквально на границе Большого Лондона. Когда полицейские приехали, на полу рядом с телом нашли письмо на имя министра иностранных дел. Старший инспектор позвонил главе службы констеблей, тот связался с дежурным в министерстве внутренних дел, который, в свою очередь, поставил в известность клерка из МИДа. Так они добились разрешения вскрыть письмо. И вот тут началась свистопляска.

– Рассказывай дальше.

– Нам сразу же позвонил начальник отдела кадров МИДа. Требовал номер домашнего телефона Советника. Орал, что в последний раз людям из секретной службы позволили запугивать его сотрудников, что Феннан был лояльным и способным работником, ла-ла-ла, ла-ла-ла...

– Таким он, несомненно, и был. Таким и был.

– Заявил, что это дело наглядно подтверждает, насколько спецслужбы отбились от рук. Мол, применяют гестаповские методы без малейшей на то причины... Бла-бла-бла... Я продиктовал ему номер Советника, а сам с другого аппарата позвонил ему, пока мидовец рвал и метал. Получилось чертовски удачно: человек из МИДа был у меня на одном проводе, а Мاستон на другом, и он сразу получил необходимую информацию. Было это в ноль двадцать. А уже к часу Мастон примчался сюда в состоянии, похожем на родильную горячку, – ему же завтра утром придется обо всем доложить министру.

Они какое-то время молчали, пока Гиллам засыпал в чашки растворимый кофе и наливал кипятка из электрического чайника.

– Каким он был? – спросил Гиллам.

– Кто? Феннан? Знаешь, до нынешней ночи я бы легко ответил тебе на этот вопрос. А теперь просто теряюсь. Здесь нет никакого смысла. Если говорить о внешности – типичный еврей. Из ортодоксальной семьи, но забросил иудаизм в Оксфорде, заделавшись марксистом. Восприимчивый, интеллигентный... разумный человек. Говорил спокойно и сам умел слушать. Великолепно образован. Ну, ты понимаешь, просто ходячая энциклопедия. Из таких. Но, разумеется, и анонимщик был прав: он действительно состоял в компартии.

– Сколько ему было лет?

– Сорок четыре. Но выглядел старше. – Смайли, не прерывая разговор, оглядывал комнату. – Чувственное лицо, густые прямые черные волосы, стрижка, как у студента-старшекурсника лет двадцати. Очень нежная, но сухая кожа лица, немного бледноватая. И морщинистая. Морщины буквально избороздили лицо. Тонкие пальцы... Характер замкнутый, как у всякой самодостаточной личности. Если получал удовольствие, то в одиночку. И если страдал, то тоже ни с кем не делился, как я полагаю.

Они поднялись, потому что появился Мастон.

– А, Смайли! Заходите ко мне. – Он открыл дверь кабинета и вытянул левую руку, приглашая Смайли войти первым. В его логове не было ни единой казенной вещи. Как-то по случаю он купил коллекцию акварелей девятнадцатого века и часть ее развесил здесь по стенам. И остальная обстановка была тщательно подобрана им лично. Да и сам Мастон выглядел образцово. Быть может, только наспех надетый костюм был светловат и ему чуть не хватало респектабельности. Но шнурок монокля падал на неизменную кремовую рубашку. Он успел повязать светло-серый шерстяной галстук. Немец назвал бы его flott, подумал Смайли; шикарным. Собственно, таким он и был – воплощенной мечтой любой барменши о том, как должен выглядеть настоящий джентльмен.

– Я встречался со Спэрроу. Это очевидное самоубийство. Тело уже увезли, и за исключением самых обычных формальностей глава констеблей не видит оснований для работы криминалистов на месте происшествия. Но в течение ближайшей пары дней будет проведено расследование. Достигнуто соглашение – я вынужден особо подчеркнуть это, Смайли... Достигнуто взаимное соглашение, что ни слова о нашем интересе к личности Феннана не должно просочиться в прессу.

– Понимаю. – «А ты опасен, Мастон, когда слаб и напуган. Знаю, ты готов подставить любую шею, кроме своей. Ты и на меня смотришь сейчас так, словно прикидываешь, сколько в данном случае потребуется веревки». – Только не подумайте, что я собираюсь подвергать ваши действия критике, Смайли. Если директор по безопасности санкционировал беседу, то вам не о чем тревожиться.

– Не о чем. Если не считать Феннана.

– О, разумеется. К сожалению, директор по безопасности забыл подписать письменное разрешение на разговор с Феннаном. Но вами было получено его устное указание, не так ли?

– Да. Я уверен, он это подтвердит.

Мастон снова пристально посмотрел на Смайли, что-то быстро прикидывая в уме, отчего Смайли начал ощущать некоторую сухость в горле. Он понимал, что пытается вести себя слишком принципиально и независимо. А Мастону необходимо было сближение. Он хотел, чтобы Смайли стал участником сговора.

– Вы в курсе, что из департамента Феннана со мной уже связывались?

– Да.

– Будет проведено очень серьезное расследование. Быть может, нам даже не удастся избежать внимания газетчиков. А мне утром предстоит явиться с докладом к министру внутренних дел. – «Ну, напугай меня еще раз... Я уже в возрасте... Можно отправить на пенсию... Подвергнуть сомнению мою компетентность... Что угодно... Вот только лгать в один голос с тобой, Мастон, я все равно не стану». – Мне нужны все факты, Смайли. Я должен выполнить свой долг. Если есть что-то еще, о чем вы мне не рассказали в связи с проведенной беседой, чего, вы, возможно, не изложили в отчете, то самое время поделиться сейчас. Любой мелочью. А потом предоставьте мне судить, важна она или нет.

– Мне в самом деле нечего добавить к тому, что уже изложено в досье, и к сказанному прежде этой ночью. Вот только, быть может, вам полезно будет понять, – слово «вам» прозвучало с излишним нажимом, как показалось самому Смайли, – что я провел эту беседу в исключительно неформальной атмосфере. Обвинения против Феннана показались мне слабо аргументированными – член партии в тридцатые годы, еще студентом, и какие-то смутные намеки на нынешние симпатии коммунистам. Да половина нынешнего кабинета министров побывала в тридцатые членами партии. – Мастон насупился. – Когда я пришел к нему в служебный кабинет в МИДе, там оказалось слишком многолюдно. Кто-то постоянно заходил и выходил. Поэтому я предложил отправиться на прогулку в парк.

– Дальше.

– Так мы и поступили. День был прохладный, но солнечный и довольно-таки приятный. Мы наблюдали за утками. – Мастон сопровождал эти слова нетерпеливым жестом. – В парке мы пробыли примерно полчаса и за это время провели беседу по всем вопросам. Говорил в основном он сам. Он был интеллигентным человеком, умным и интересным собеседником. Но, конечно, немного нервничал, что мне показалось естественным. Люди его типа любят рассказывать о себе, и, по-моему, он был только рад стряхнуть с себя это бремя. Он поведал мне всю свою историю – и не затруднился назвать известные ему имена. А потом мы зашли в кафе рядом с Миллбанк.

– Куда?

– В кофейню. Они варят особый сорт кофе по шиллингу за чашку. Мы им угостились.

– Понятно. И в этой... безмятежной обстановке вы и сообщили ему, что наше ведомство не станет предпринимать никаких дальнейших действий?

– Да. Мы часто поступаем подобным образом, но обычно не фиксируем этого в письменных отчетах.

Мастон кивнул. В легкой подтасовке ему не виделось ничего предосудительного. «Бог ты мой, – подумал Смайли, – а ведь он вполне достоин презрения». Его даже слегка взволновало открытие, что Мастон оказался действительно неприятным типом, полностью оправдав его ожидания.

– Могу я, исходя из услышанного, предположить, что самоубийство – и написанное покойным письмо – стало для вас полнейшим сюрпризом? И вы не можете найти этому объяснения?

– Было бы очень кстати, если бы смог. Но нет.

– Вы не знаете, кто именно выдвинул против него обвинения?

– Нет.

– Он был женат. Хотя бы это вам известно?

– Да.

– Вот я и подумал... Представляется вероятным, что его жена могла бы восполнить некоторые пробелы в имеющейся у нас информации. Не без некоторых колебаний я все же предложу, чтобы кто-то из нашего ведомства навестил ее и исходя из всех соображений приличия задал несколько вопросов.

– Сегодня? – Смайли посмотрел на него совершенно бесстрастно.

Мастон стоял рядом со своим обширным рабочим столом, поигрывая обычными атрибутами кабинета делового человека – ножом для бумаг, портсигаром, зажигалкой. Но на самом деле, заметил Смайли, он рассматривал кремовые манжеты рубашки, торчавшие из-под рукавов ровно на дюйм, и любовался белизной своих рук.

Потом Мастон поднял взгляд, изобразив безграничное терпение.

– Я понимаю ваши чувства, Смайли, но вопреки происшедшей трагедии вам следует ясно видеть сложившуюся ситуацию. Министры внутренних и иностранных дел захотят получить как можно более полный отчет об этом деле, и именно на меня ложится щекотливая задача его подготовить. Особый интерес представляет информация о настроении и душевном состоянии Феннана непосредственно после беседы с... С нами. Возможно, он разговаривал с женой. Ему не положено было этого делать, но давайте будем реалистами.

– Так вы хотите, чтобы к ней поехал я?

– Но ведь кто-то должен. Речь не идет об официальном расследовании. Конечно, последнее слово здесь за министром внутренних дел, но на данный момент у нас попросту не хватает фактов. Время не ждет, а вы знакомы с делом, изучили историю вопроса. Никому другому не успеть ознакомиться с ним столь же детально. Поэтому если кому-то и ехать к ней, то именно вам, Смайли.

– Когда вы хотите меня туда отправить?

– Как мне объяснили, миссис Феннан в известном смысле не совсем обычная женщина. Иностранка, еврейка, как и ее покойный муж, но к тому же серьезно пострадавшая во время войны, что только усугубляет неловкость. Она – сильная личность и восприняла смерть мужа с относительным стоицизмом. Хотя нет сомнений, что это лишь поверхностное впечатление. При этом она разумный человек, открытый для общения. По словам Спэрроу, она готова помочь и, по всей вероятности, сможет встретиться с вами, как только вы туда прибудете. Полиция Суррея предупредит ее о вашем визите, чтобы вы смогли увидеться с ней уже утром. Позже сегодня я сам позвоню вам по ее номеру.

Смайли повернулся, чтобы уйти.

– Да, и вот еще что, Смайли... – Он почувствовал, как рука Мастона легла ему на плечо, и был вынужден посмотреть на него: Мастон нацепил на себя улыбочку, которую обычно приберегал для самых пожилых сотрудниц службы. – Вы должны знать, что можете на меня рассчитывать; я всегда готов поддержать вас.

«Бог ты мой! – подумал Смайли. – А ведь ты действительно работаешь без остановки. Круглосуточное кабарэ – вот что ты такое: „Мы никогда не закрываемся“».

Он вышел на улицу.

Глава 3

Эльза Феннан

Мерридейл-лейн – один из тех уголков Суррея, чьи обитатели ведут неустанную битву, чтобы избавиться от неизгладимой печати провинциальности. Здесь не жалеют ни трудов, ни удобрений, чтобы высадить на передней лужайке как можно больше деревьев, которые бы скрыли притулившиеся за ними бедноватые домики, именуемые «комфортабельным семейным жильем». Но близость к деревне не столько маскируют, сколько подчеркивают резные деревянные фигурки сов, украшающих таблички с названиями домов, и потрескавшиеся гномы, притулившиеся у прудов с золотыми рыбками. Причем жители Мерридейл-лейн нарочно не покрывают гномов ни лаком, ни красками, подозревая в этом признак деревенского дурного вкуса, и по тем же причинам не касаются малярной кистью сов, а терпеливо дожидаются, чтобы те с годами приобрели вид подлинного антиквариата, но добиваются только того, что древесные жуки заводятся даже в перекрытиях домов и в потолочных балках гаражей.

Пусть агенты по продаже недвижимости уверяют, что переулок заканчивается тупиком, на самом деле это не совсем так. В дальнем от кингстонской объездной дороги конце он просто переходит в крытую гравием тропу, которая чуть дальше превращается в совершенно уже запущенный земляной проселок, пересекающий луг Меррис-Филд и упирающийся в начало другого проулка, совершенно неотличимого от Мерридейл-лейн. Примерно до 1920 года проселок вел к местной приходской церкви, но она теперь оказалась на окруженном со всех сторон транспортными потоками островке, где местные дороги вливаются в шоссе, ведущее в Лондон, и тропа, когда-то служившая верующим путем к храму, теперь остается лишь кратчайшим, пусть и неудобным, соединительным маршрутом между Мерридейл-лейн и Кадоган-роуд. Зато открытое пространство луча, именуемого Меррис-Филд, даже приобрело нежданную скандальную известность, когда из-за него разгорелась нешуточная свара между застройщиками и защитниками зеленых насаждений, причем такая яростная, что в какой-то момент привела к полному параличу работы механизма местных властей Уоллестона. Впрочем, с течением времени страсти улеглись, и сам собой был достигнут сомнительный компромисс: Меррис-Филд не стали застраивать, но и не сохранили в первозданном виде, установив вдоль луга через равномерные интервалы три колонны из стали. А в самом центре луча находится нечто, напоминающее хижину каннибала с островерхой крышей, именуемое «Мемориальным приютом», возведенным в 1951 году в память о павших в двух мировых войнах, предназначение которого – дать место отдыха усталым и старым путникам. При этом, кажется, никто не задался вопросом, каким ветром могло занести старых и усталых путников на Меррис-Филд, но крыша приюта стала истинным раем для пауков, и какое-то время его использовали как удобную бытовку рабочие, устанавливавшие колонны.

В восемь часов утра Смайли пешком добрался до Мерридейл-лейн, оставив машину у здания полицейского участка, располагавшегося в десяти минутах ходьбы оттуда.

Шел сильный дождь – холодные, крупные капли били прямо в лицо.

Полицию Суррея это дело уже совершенно не интересовало, но Спэрроу тем не менее направил туда офицера из особого отдела, чтобы тот дежурил при полицейском участке и в случае необходимости обеспечивал связь между спецслужбами и Скотленд-Ярдом. По поводу того, как именно погиб Феннан, вроде бы не могло быть двух мнений. Его убила пуля, пущенная в висок с близкого расстояния из маленького пистолета, произведенного в Лилле в 1957 году. Оружие нашли рядом с трупом. Все обстоятельства смерти указывали на самоубийство.

Дом номер пятнадцать по Мерридейл-лейн оказался приземистым строением в стиле Тюдоров, где спальни располагались под скатами фронтонов, и с гаражом – наполовину каменным, наполовину деревянным. Здесь царило запустение и на первый взгляд никто не жил. Такие дома любят художники, подумал Смайли. Но для Феннана место выглядело совершенно неподходящим. Такие, как Феннан, жили в лондонском Хэмпстеде и нанимали прислугу из числа юных иностранок, приехавших в Англию изучать язык.

Он открыл защелку ворот и неторопливо пошел по подъездной дорожке к дому, безуспешно пытаясь разглядеть хоть какие-то признаки жизни внутри сквозь отсвечивавшие свинцовой серостью окна. Было очень холодно. Он нажал на кнопку звонка.

Дверь открыла Эльза Феннан.

– Мне позвонили и спросили, не возражаю ли я. Даже не знала, что им ответить. Но, пожалуйста, входите. – Она говорила с заметным немецким акцентом.

Жена выглядела старше самого Феннана. Невысокая подвижная женщина с очень короткой стрижкой и с волосами, вытравленными почти под цвет никотина. Несмотря на внешнюю хрупкость, она излучала силу и смелость, а карие глаза на слегка искаженном лице делали взгляд почти невероятно пронзительным. Это было изможденное лицо. Лицо человека, которого в прошлом долго терзали и мучили, лицо ребенка, выросшего в голоде и лишениях, лицо вечной беженки, лицо узницы концлагеря, подумал Смайли.

Она протянула ладонь для пожатия – розовая, но загрубелая рука показалась ему костлявой на ощупь.

– Ведь это вы проводили с моим мужем беседу по поводу его лояльности, – сказала она и провела гостя в темную гостиную с низким потолком.

Камин отсутствовал. Смайли внезапно почувствовал себя полным идиотом. Лояльности к кому, к чему? И это при том, что она не вложила в свои слова ни нотки презрения. Он был для нее из числа угнетателей, но ей не привыкать к роли угнетенной.

– Мне очень понравился ваш муж. Все обвинения с него были бы сняты.

– Обвинения? В чем же?

– Мы получили основание для проверки – анонимное письмо, – и это дело поручили мне. – Смайли сделал паузу и посмотрел на женщину с искренним сочувствием. – Вы понесли ужасную утрату, миссис Феннан... И, вероятно, безмерно устали. Едва ли вам удалось нормально поспать в эту ночь...

Но ее не растрогало проявление столь откровенной симпатии.

– Спасибо, конечно, но я даже не пыталась спать. Сон для меня – это вообще почти недоступная роскошь. – Она с грустной усмешкой оглядела свою фигуру. – Я вынуждена как-то коротать по меньшей мере двадцать часов в сутки. А это не так легко даже для меня. А что касается ужасной потери, то да, вероятно, это можно назвать и так. Но знаете, мистер Смайли, у меня так долго не было ничего, кроме зубной щетки, что я не привыкла чем-то владеть даже за восемь лет супружества. И потом, у меня большой опыт переносить страдания молча.

Кивком она указала ему место, куда он мог сесть, а потом до странности старомодным движением подломила под себя юбку и уселась напротив него сама. В этой комнате тоже было очень холодно. Смайли гадал, с чего бы ему начать разговор; прямо на собеседницу он смотреть не осмеливался и уставился куда-то в пустоту перед собой, отчаянно пытаясь мысленно проникнуть в изможденное, кривоватое лицо Эльзы Феннан. Показалось, что прошло немало времени, прежде чем она вновь заговорила сама:

– Вы упомянули, что он вам понравился. Но у него самого явно не сложилось такого впечатления.

– Я не читал письма, оставленного вашим мужем, но мне передали его содержание. – Серьезное пухлое лицо Смайли теперь было повернуто в сторону собеседницы. – Но это

бессмыслица какая-то. Я практически открытым текстом сказал ему... что никакого дальнейшего хода его дело не получит.

Она сидела неподвижно, ожидая продолжения. А что он мог ей сказать? «Простите, что убил вашего мужа, миссис Феннан, но лишь исполнял свой долг (долг перед кем, ради всего святого?). Двадцать четыре года назад в Оксфорде он был членом коммунистической партии, а последнее повышение по службе открыло ему доступ к весьма секретной информации. Поэтому какой-то „доброжелатель“ написал на него анонимку, и нам ничего не оставалось, как провести по ней проверку. Расследование, по всей видимости, повергло вашего мужа в такую глубокую печаль, что он наложил на себя руки».

Он предпочел промолчать.

– Это была всего лишь игра, – неожиданно сказала Эльза, – глупое жонглирование идеями, на самом деле не имевшее отношения ни к нему, ни к любому другому живому человеку. Чего ради вы на нас отвлекаетесь? Возвращайтесь к себе на Уайтхолл и продолжайте передвигать фигурки шпионов на своем картонном игровом поле. – Она немного помолчала, никак не проявляя эмоций, если не считать обжигающего взгляда темных глаз. – Вы страдаете застарелой болезнью, мистер Смайли, – продолжала она, доставая из пачки сигарету, – я часто встречала жертв этого недуга. Сознание как бы отделяется от тела; оно продолжает мыслить в отрыве от реальности, властвует в бумажном королевстве и бесстрастно создает и уничтожает таких же на первый взгляд бумажных людей. Но порой граница между вашим и нашим мирами вдруг стирается, бумажное досье обретает плоть и кровь, и это ужасный момент, не правда ли? У абстрактных бумажных человечков, оказывается, есть семьи, есть прошлое и мотивы для тех мелких проступков, которые вы превращаете в грехи, описывая их в своих досье. И когда так случается, мне становится очень вас жалко.

Она сделала еще одну небольшую паузу, а потом продолжила:

– Это как государство и народ. Ведь государство – это тоже всего лишь сон, пустой символ, за которым не стоит ничего реального, как сознание, оторванное от тела, как попытка играть с облаками в небе. Но ведь именно государства развязывают войны и сажают людей в тюрьмы, верно? Вы спите, и вам снятся чистые доктрины. Здесь невозможно даже замараться. Но только теперь мы с мужем тоже чисты в ваших глазах, или я не права?

Она смотрела на него в упор. Ее акцент стал намного заметнее.

– Вы отождествляете себя с государством, мистер Смайли, вам нет места среди реальных людей. Если вы сбросили бомбу с небес, то не надо приходить на место ее падения, чтобы посмотреть на кровь и послушать крики умирающих.

Она говорила, не повышая голоса, а смотрела теперь куда-то выше и мимо него.

– По-моему, вы все еще в шоке. Как же! Вы, видимо, ожидали застать меня в слезах, но у меня слезы кончились уже давно, мистер Смайли – я пуста. Мне пришлось оплакивать слишком многих. Спасибо, что навестили, мистер Смайли, теперь можете отправляться обратно – здесь вам больше делать нечего.

Он подался вперед в своем кресле, держа пухлые руки на коленях. Вид у него был одновременно и самоуверенный, и встревоженный, как у бакалейщика, которого отчитал недовольный клиент. Лицо побледнело, кожа на висках и над верхней губой слегка поблескивала. Под глазами четко обозначились два лиловых полумесяца, рассеянных толстой оправой очков.

– Послушайте, миссис Феннан, наша беседа была не более чем простой формальностью. Мне показалось, что ваш муж получил от нее удовольствие и пребывал в отличном настроении, когда мы завершили разговор.

– Как вы смеете делать подобные заявления, как у вас язык поворачивается...

– Но я говорю правду. Если уж на то пошло, я даже не стал с ним разговаривать в помещении министерства. Когда я пришел к нему, то обнаружил, что его кабинет – это нечто

вроде проходного двора между другими комнатами, и потому мы отправились сначала в парк, а потом в кафе. Едва ли похоже на инквизицию, если подумать. Я сказал, что ему не о чем беспокоиться, – именно так звучали мои слова. И потому я никак не могу понять, откуда взялось такое письмо. Это не имеет...

– А я сейчас думаю вовсе не о письме, мистер Смайли. Я вспоминаю то, что он сказал мне сам.

– Что вы имеете в виду?

– Беседа с вами до крайности расстроила его, и он рассказал мне об этом. Вернувшись домой в понедельник вечером, он был в отчаянии, граничившем с невменяемостью. Он рухнул в кресло, и мне с большим трудом удалось позже заставить его лечь в постель. Я дала ему успокоительное, которого хватило только на первую половину ночи. И он продолжал говорить об этом все следующее утро. Черные мысли не шли у него из головы до самой смерти.

Сверху донеслись звонки телефона. Смайли поднялся.

– Прошу прощения, но мне должны звонить из офиса. Надеюсь, вы не возражаете?

– Телефон стоит в большой спальне прямо у нас над головами.

Смайли медленно поднялся по лестнице, все еще находясь в полном недоумении. Что, черт возьми, следует сказать Мاستону?

Он снял трубку, машинально прочитав написанный на аппарате номер.

– «Уоллистон двадцать девять сорок четыре» слушает.

– Это с телефонной станции. Доброе утро. Звоним вам в восемь тридцать, как вы и просили.

– А?... Ах да, спасибо вам огромное.

Он дал отбой, довольный, что получил небольшую передышку. Затем бегло осмотрел комнату. Это явно была спальня самих Феннанов, обставленная просто, но удобно. Перед газовым камином стояли два кресла. Смайли вспомнил, что три послевоенных года Эльза Феннан была прикована к постели. Вероятно, еще с тех времен супруги приобрели привычку вечерами сидеть здесь вдвоем у огня. Альковы по обе стороны камина занимали полки с книгами. В дальнем углу на столике он заметил пишущую машинку. Было во всей атмосфере комнаты что-то настолько интимное и трогательное, что, вероятно, впервые Смайли по-настоящему ощутил весь трагизм ухода Феннана из жизни. И он вернулся в гостиную.

– Это вас, – сказал он. – Звонок с телефонной станции, который вы заказывали на восемь тридцать.

Вновь возникла пауза. Смайли бросил взгляд на хозяйку, но она тут же отвернулась от него и стояла, глядя в окно, с напряженной, очень прямой тощей спиной и с жесткими короткими волосами, которые казались темными на фоне утреннего света.

Тут он всмотрелся в нее пристальнее. До него только сейчас дошло то, что он должен был понять сразу – еще там, в спальне. Нечто настолько невероятное, что мозгу потребовалось некоторое время, чтобы осознать это. Чисто автоматически он продолжал что-то говорить, но чувствовал желание как можно быстрее уйти отсюда, держаться подальше от телефона, по которому мог позвонить Мастон и засыпать его истеричными вопросами, убраться из мрачного, вселявшего беспокойство дома Эльзы Феннан. Уйти и хорошенько поразмыслить.

– Я и так отнял у вас слишком много времени, миссис Феннан. Лучше будет последовать вашему совету и вернуться в Уайтхолл.

Снова пожатие холодной хрупкой руки, его невнятные слова соболезнования. Он взял в прихожей свое пальто и вышел под лучи утреннего зимнего солнца, ухитрившегося пробиться сквозь тучи после затяжного дождя. И оно немедленно новыми, еще влажными красками покрыло деревья и дома на Мерридейл-лейн. При этом небо оставалось почти черным,

и тем более странным казался лежавший под ним неожиданно яркий мир, солнечный свет в котором выглядел как будто украденным из другого места на Земле.

Смайли неспешно спустился по гравию дорожки, опасаясь, что его могут в любой момент окликнуть и предложить вернуться.

В полицейский участок он пришел, полный глубоко взволновавших его мыслей. И главная из них заключалась в том, что не Эльза Феннан попросила телефонную станцию сделать звонок-напоминание в восемь тридцать утра нынешним утром.

Глава 4

Кафе «Фонтан»

Начальником уголовного розыска в полицейском участке Уоллистана был добродушный гигант, для которого главным мерилом профессиональной компетенции являлась выслуга лет. И он считал свое мнение единственно верным. В противоположность ему инспектор Мендель, которого сделал своим связником Спэрроу, оказался худосочным остролицым джентльменом с манерой говорить очень быстро и одним уголком рта. Он показался Смайли чем-то похожим на хорошего лесничего, который досконально знал свою территорию и не любил, когда на нее вторгались посторонние.

– Для вас оставили сообщение из вашего департамента, сэр. Вам необходимо срочно позвонить Советнику. – Главный местный сыщик указал огромной лапищей на телефон и тут же вышел в открытую дверь своего кабинета. Мендель остался сидеть на месте. Смайли какое-то время всматривался в него, размышляя, можно ли этому человеку доверять.

– Закройте дверь.

Мендель подошел к двери и без стука захлопнул ее.

– Мне нужно навести кое-какие справки на местном телефонном узле в Уоллистане. С кем там лучше всего будет поговорить?

– С заместителем директора. Ее шефа вечно нет на месте, и она тащит на себе всю работу.

– Кто-то из дома пятнадцать по Мерридейл-лейн попросил телефонисток со станции позвонить сегодня в восемь тридцать утра. Мне необходимо выяснить, в котором часу была сделана такая заявка и кем именно. Кроме того, хотелось бы узнать, регулярно ли заказывались подобные звонки, и если да, то все известные подробности о них.

– Помните номер?

– «Уоллистон двадцать девять сорок четыре». Владелец должен значиться Сэмюэл Феннан, я так думаю.

Мендель взялся за телефон, набрал «ноль» и, дожидаясь ответа, спросил Смайли:

– Вы ведь не хотите, чтобы кто-то пока об этом знал, верно?

– Никто ничего не должен знать. Включая даже вас самого. По всей вероятности, это ничего не значит. И если мы начнем трепать языками о возможном убийстве, то...

В этот момент Менделю ответили со станции, и он попросил соединить его с заместителем директора.

– Беспокоит полиция Уоллистана, уголовный розыск. Нам необходима проверка данных... Да, конечно... В таком случае перезвоните мне сами... По прямому номеру нашего подразделения – «Уоллистон двадцать четыре двадцать один».

Мендель положил трубку и стал ждать звонка со станции.

– А неглупые девчонки там сидят, – пробормотал он, не глядя на Смайли. Телефон зазвонил, и он вернулся к прерванному разговору. – Мы расследуем ограбление на Мерридейл-лейн. Дом восемнадцать. Есть вероятность, что преступники использовали дом номер пятнадцать как наблюдательный пункт, чтобы вломиться в жилище напротив. Нельзя ли установить все входящие и исходящие звонки с телефона «Уоллистон двадцать девять сорок четыре» за последние двадцать четыре часа?

Последовала пауза. Мендель приложил ладонь к микрофону трубки и повернулся к Смайли с легкой плутовской усмешкой. И Смайли вдруг почувствовал к нему прилив симпатии.

– Она опрашивает девочек, – шепнул Мендель, – а потом просмотрит записи в книге регистрации.

Он снова отвернулся, сосредоточился на телефоне и стал записывать что-то в блокноте начальника, лежавшем на столе. Потом резко замер и подался вперед.

– Вот как? – Голос его звучал расслабленно по контрасту с напряженной позой. – А в котором часу это было?

Еще пауза.

– В девятнадцать пятьдесят пять?... И звонил мужчина? Ваша сотрудница уверена в этом?... Ну конечно... Теперь понятно. Все четко. Это нам очень поможет... Все равно спасибо вам большое за помощь. По крайней мере мы теперь владеем информацией... Вы очень любезны... Нет, это рабочая версия, и только. Придется, наверное, немало поломать голову. Еще раз благодарю, и, пожалуйста, сохраните мой запрос в тайне, насколько это возможно... Всего хорошего!

Он дал отбой, вырвал из блокнота листок и сунул в карман.

Теперь уже быстро заговорил Смайли:

– Я знаю одно жуткое кафе здесь неподалеку. Мне все равно пора позавтракать. Пойдемте со мной. Выпьем чашку кофе.

Телефон снова зазвонил. Смайли почти физически ощущал Мастона на другом конце провода. Мендель бросил на него беглый взгляд и, кажется, все понял. Они оставили аппарат трезвонить дальше, а сами поспешно вышли из полицейского участка и направились в сторону Хай-стрит.

Кафе «Фонтан» (владелица мисс Глория Адам) отличали все тот же тюдоровский стиль, обилие медных деталей конской упряжи в интерьере и местный мед, продававшийся на шесть пенсов дороже, чем по всей округе. Мисс Адам лично разносила самый отвратительный кофе, который можно найти южнее Манчестера, и называла клиентов «мои друзья». Причем своих «друзей» мисс Адам не обслуживала, а откровенно грабила, считая это, видимо, важным атрибутом домашней обстановки, иллюзию которой всеми силами старалась поддерживать в своем заведении. Ее социальное происхождение оставалось неясным, но в разговорах она часто именвала своего покойного отца «полковником». Среди тех «друзей» мисс Адам, которые платили за дружбу с ней особенно дорого, была популярна сплетня, что упомянутый полковничий чин папаша получил скорее всего за деятельность на ниве благотворительности в Армии спасения.

Мендель и Смайли заняли угловой столик рядом с камином и дожидались возможности сделать заказ. Мендель смотрел на Смайли с несколько озадаченным выражением лица.

– Девушка запомнила звонок очень хорошо. Запрос поступил перед самым окончанием ее смены – в девятнадцать пятьдесят пять прошлым вечером. Просили позвонить в восемь тридцать утра сегодня. Это сделал сам Феннан – она абсолютно уверена.

– Почему?

– Как я понял, Феннан звонил в прошлое Рождество, когда дежурила та же девушка. Пожелал всем сотрудницам телефонной станции веселого праздника. Она была приятно удивлена. Они немного поболтали о том о сем. И теперь она убеждена, что тот же человек вчера вечером заказал предупредительный звонок. «Очень культурный джентльмен», по ее словам.

– Но это же ерунда какая-то! Предсмертное письмо он написал в двадцать два тридцать. Что могло произойти между восемью и половиной одиннадцатого?

Мендель поднял с пола свой дипломат. Поскольку замок на нем отсутствовал, он больше напоминал футляр для музыкального инструмента, отметил про себя Смайли. Из чемоданчика инспектор вытащил простую папку для бумаг и подал Смайли:

– Факсимиле письма. Шеф попросил вручить его вам. Оригинал ждут в МИДе, а еще одна копия пойдет лично в руки Марлен Дитрих.

– А это еще, черт побери, что за птица?

– Простите, сэр, но так мы называем вашего Советника. Прозвища – обычное дело среди полицейских. Весьма сожалею, если звучит бестактно.

Наоборот, подумал Смайли. Прозвище восхитительное, бесподобное по точности. Он открыл папку и окинул факсимиле взглядом. Мендель продолжал:

– Первое на моей памяти письмо самоубийцы, напечатанное на машинке. И, кстати, чтобы точно указывали время написания, я тоже вижу впервые. А вот к подписи не придерешься. Сравнил ее в участке с образцом, который он однажды оставил, расписываясь в получении своей потерянной вещи, найденной нами. Один к одному.

Письмо действительно было напечатано, и, возможно, на портативной пишущей машинке. Как и анонимка. Но на этом листке Феннан оставил свой аккуратный, разборчивый автограф. Вверху листка под строкой с адресом была напечатана дата, а еще ниже время: 22.30.

Уважаемый сэр Дэвид!

Обдумав ситуацию, я не без некоторых колебаний все же принял решение добровольно уйти из жизни. Для меня невыносима мысль, что на мне отныне всегда будет лежать тень подозрений в предательстве. Мне совершенно ясно, что с моей карьерой покончено, пусть я и стал жертвой платных доносчиков.

Искренне Ваш,

Сэмюэл Феннан

Смайли перечитал текст несколько раз, сжав от напряжения губы и вздернув брови, словно от удивления. Мендель между тем о чем-то его спрашивал.

– Как вы об этом узнали?

– О чем?

– О том утреннем звонке.

– Дело в том, что я сам на него ответил. Думал, звонят мне. Однако это оказался звонок со станции. Но сразу я даже ничего не сообразил. Предположил, что позвонить попросила вдова, понимаете? Спустился вниз и сообщил ей об этом.

– Спустились вниз?

– Да. У них телефон стоит в спальне. Хотя это скорее комбинация спальни и гостиной... Миссис Феннан ведь долго пробыла на инвалидности, и они оставили комнату в прежнем виде, как мне показалось. Там еще и что-то вроде кабинета в одном из углов: книги, стол, пишущая машинка и тому подобное.

– Пишущая машинка?

– Да. Портативная. Думаю, на ней он и напечатал это свое письмо. Но, видите ли, ответив на звонок, я совершенно упустил из виду, что его никак не могла заказать миссис Феннан.

– Почему же?

– Она страдает бессонницей – сама мне об этом сказала. Когда я посоветовал ей отдохнуть, она ответила: «Я вынуждена как-то коротать по меньшей мере двадцать часов в сутки. А это не так легко даже для меня». И еще добавила, что сон для нее – недоступная роскошь. Так с какой стати ей просить разбудить ее в восемь тридцать?

– А с какой стати это было делать ее мужу или кому-то другому? Это почти обеденное время для многих – Боже, спаси и сохрани государственных служащих!

– Вот именно! Это и для меня загадка. В министерстве рабочий день начинается поздно. В десять, если не ошибаюсь. Но даже в таком случае Феннану следовало встать гораздо раньше восьми тридцати, чтобы побриться, одеться, позавтракать и успеть к своему поезду. И потом, почему его не могла разбудить жена?

– Не исключаю, что она преувеличивает свои проблемы со сном, – сказал Мендель. – Женщины часто раздувают из мухи слона, когда речь заходит о мигренях, бессоннице и других пустяках. Думают, что их будут считать из-за этого натурами нервными, утонченными и темпераментными. Как правило, это обычное кокетство.

Смайли только головой покачал:

– Нет, она все равно никак не могла заказать звонок. Она ведь вернулась домой только в двадцать два сорок пять. Но даже если предположить, что она ошиблась по поводу времени своего возвращения, ей никак не удалось бы добраться до телефона, не наткнувшись сначала на тело мужа. Вы же не станете меня уверять, что это нормальная реакция: найти супруга мертвым, но первым делом кинуться заказывать звонок на утро?

Они какое-то время молчали, попивая кофе.

– Есть еще соображение, – сказал Мендель.

– Какое?

– Жена вернулась из театра в двадцать два сорок пять, так?

– Да, по ее же словам.

– Она ходила в театр одна?

– Без понятия.

– Держу пари, что не одна, а потому вынуждена была сказать правду. Для того и время в письме проставила, чтобы создать себе алиби.

Смайли вспомнил Эльзу Феннан, ее злость, ее покорность судьбе. И ему показалось совершенно неуместным говорить о ней в подобном ключе. Нет. Только не Эльза Феннан. Нет.

– Где было найдено тело? – спросил Смайли.

– У подножия лестницы.

– У нижних ступеней?

– Да. Распластавшимся в холле. Револьвер лежал под ним.

– А записка? Где была она?

– Рядом с ним на полу.

– Что-нибудь еще примечательное?

– Да. Кружка с какао в гостиной.

– И что у нас получается? Феннан решает покончить с собой. Просит телефонную станцию позвонить ему завтра в восемь тридцать. Потом наливает себе какао и оставляет кружку в гостиной. Поднимается вверх и печатает предсмертную записку. Снова спускается и простреливает себе голову, не притронувшись к какао. Как складно, не правда ли?

– Да, что верно, то верно. Между прочим, не пора ли вам позвонить в свою контору?

Смайли лукаво посмотрел на Менделя:

– Вот и конец тому, что обещало перерасти в крепкую мужскую дружбу.

Но, направляясь к телефону-автомату, он услышал, как за спиной Мендель пробормотал:

– Держу пари, ты всем так говоришь.

И потому, называя оператору номер Масто́на, Смайли не смог сдержать улыбки.

Мастон пожелал видеть его немедленно.

Смайли вернулся к их столику. Мендель помешивал сахар еще в одной чашке кофе с таким видом, словно это занятие требовало полнейшей концентрации. И ел очень большую булочку.

Смайли встал рядом.

– Мне нужно ехать в Лондон.

– Ну и наделаете вы там переполоха, как лиса в курятнике. – Острое лицо резко повернулось к нему. – Или нет?

Теперь Мендель говорил передней частью рта, пока задняя продолжала расправляться с булочкой.

– Если Феннана убили, то нет такой силы в природе, которая помешает прессе узнать об этом, – ответил Смайли, а про себя подумал: «Едва ли Мастоу такой вариант понравится. Он предпочел бы самоубийство».

– Но ведь теперь с этим ничего не поделаешь, верно?

Смайли помедлил с ответом, хмурый и серьезный. Он уже как будто слышал, как Мастон иронизирует над его подозрениями, как спешит сразу поднять их на смех.

– Не знаю, – сказал он. – Я действительно пока ничего не знаю.

Назад в Лондон, назад в Идеальный дом Мастоу, назад к крысиной гонке перекладывания ответственности с больной головы на здоровую. И назад к иллюзорному миру, где человеческую трагедию следует изложить на трех страничках рапорта.

Снова дождило, но теперь лил непрерывный, более теплый дождь, и даже за то короткое время, пока Смайли добирался от кафе «Фонтан» до полицейского участка, он успел основательно промокнуть. Сняв пальто, он кинул его на заднее сиденье своей машины. Он с облегчением покидал Уоллистон, пусть ему и предстояло вернуться в Лондон. Сворачивая на главную улицу, он периферийным зрением заметил фигуру Менделя, который упрямо шлепал по тротуару к железнодорожной станции в потемневшей от сырости и почти потерявшей форму фетровой шляпе. Смайли почему-то даже в голову не пришло предложить подбросить его в город, и он почувствовал себя неловко. Но Мендель, ничуть не смущенный, сам открыл пассажирскую дверь и запрыгнул внутрь.

– Вот повезло! – только и сказал он. – Ненавижу поезда. Вы ведь едете на Кембридж-серкус? Тогда высадите меня где-нибудь в районе Вестминстера, если не трудно.

Они тронулись в путь. Мендель достал исцарапанную жестянку с табаком и свернул себе сигарету. Он уже почти вложил ее себе между губ, но передумал, протянул Смайли и дал прикурить от своей замечательной зажигалки, выдававшей струю голубоватого пламени в два дюйма высотой.

– У вас до крайности обеспокоенный вид, – заметил Мендель.

– Точное наблюдение.

После паузы Мендель сказал:

– Вас грызет чувство, что вы многое так и не выяснили.

Но они проехали еще четыре или пять миль, прежде чем Смайли остановился у тротуара и повернулся к Менделю.

– Вы не будете сильно возражать, если мы вернемся в Уоллистон?

– Отличная идея. Повидайтесь с ней еще раз и спросите у нее самой.

Смайли развернулся и медленно поехал в обратном направлении в сторону Уоллистона, в сторону Мерридейл-лейн. Оставив Менделя ждать в машине, он спустился по уже знакомой, крытой гравием дорожке.

Она открыла дверь и впустила его в гостиную, не вымолвив ни слова. На ней было все то же платье, и Смайли стало интересно, как она провела время после его отъезда этим утром.

Ходила ли по дому из угла в угол или просидела неподвижно на первом этаже? А быть может, в одном из кожаных кресел, стоявших наверху в спальне? Как ощущала она себя в роли только что овдовевшей женщины? Воспринимала ли уже свое одиночество всерьез или как раз находилась в том тайно приподнятом настроении, которое, как правило, возникает ненадолго сразу вслед за первым приступом горя? Смотрелась ли в зеркало, стараясь заметить перемену в себе, с лицом, перекошенным от ужаса и бесслезных рыданий?

Оба остались стоять, инстинктивно стремясь избежать повторения утренней встречи.

– Есть кое-что, о чем я обязан вас спросить, миссис Феннан. А потому, уж извините, пришлось потревожить еще раз.

– Как я догадываюсь, насчет утреннего звонка с телефонной станции?

– Да.

– Я была уверена, что это вас удивит. Страдающая бессонницей просит разбудить ее утром. – Беспечный тон звучал неестественно.

– Верно. Мне это показалось странным. Вы часто ходите в театр?

– Да. Раз в две недели. Я – член клуба при репертуарном театре Уэйбриджа и стараюсь не пропускать их мероприятий. А они гарантируют мне место по вторникам на каждой премьере. Мой муж как раз по вторникам всегда задерживался на работе. И поэтому никогда не ходил со мной, он вообще предпочитал только театральную классику.

– Но он любил Брехта, не правда ли? Был в восторге, когда его «Берлинер ансамбль» гастролировал в Лондоне.

Она окинула Смайли быстрым взглядом, а потом вдруг улыбнулась – впервые. Это была изумительная улыбка, все ее лицо осветилось, как у ребенка.

Перед Смайли на секунду возник образ Эльзы Феннан в детстве – долговязая, подвижная девчонка-сорванец, подобная маленькой Фадетте у Жорж Санд – лишь формирующаяся женщина, словоохотливая и часто лживая. Она могла быть хитрой и вкрадчивой, готовой на все ради себя самой, а потом вдруг оказалась в голоде и страхе концлагеря, где каждый вел безжалостную войну за выживание. Вот почему улыбка показалась ему одновременно и жалкой – в ней смешались невинность детства и стальная воля, выкованная как оружие в борьбе за существование.

– На самом деле этот звонок имеет самое простое объяснение, – сказала она. – Я, кроме прочего, страдаю провалами в памяти – это что-то ужасное! Отправляюсь в магазин и не помню, что собиралась купить, назначаю по телефону встречу, но забываю о ней, как только кладу трубку. Приглашаю друзей погостить в выходные, а когда они приезжают, нас нет дома. Вот почему, когда мне нужно вспомнить о чем-то действительно важном, я иногда договариваюсь с телефонной станцией, чтобы мне позвонили за несколько минут до назначенного времени. Это как узелок на платочке, но вот только узелок не услышишь, верно?

Смайли всматривался в нее. У него пересохло в горле, и он с трудом сглотнул, прежде чем смог задать следующий вопрос.

– И о чем же вы просили их себе напомнить в этот раз, миссис Феннан?

Снова милая улыбка:

– Вот видите. Я уже напрочь забыла.

Глава 5

Мастон и пламя свечей

Пока они медленно ехали в сторону Лондона, Смайли перестал ощущать рядом присутствие Менделя.

В былые дни само по себе вождение автомобиля служило ему отдыхом, во время долгой поездки в одиночестве его усталый мозг переставал непрерывно работать, а физическое утомление от нескольких часов, проведенных за рулем, позволяло забыть о самых мрачных делах.

Вероятно, следовало считать еще одной приметой приближения преклонного возраста его нынешнюю неспособность отвлечься подобным образом. Теперь он нуждался в более сильных средствах: в последнее время он часто пытался вообразить себе прогулку по одному из европейских городов, вспоминая все магазины и интересные здания, которые должен был бы миновать. В Берне, например, его маршрут пролегал от Мюнстерского собора до университета. Но никакие самые напряженные умственные упражнения не мешали постоянному вторжению призраков дня сегодняшнего, возвращавших от грез к реальности. Это Энн похитила его душевный покой, Энн, с которой только реальность стала важна, а жить следовало здесь и сейчас. С ее уходом образовалась пустота.

Он не мог поверить, что Эльза Феннан убила мужа. Ее инстинкты велели ей защищать, лелеять ценности своей жизни, окружать себя символами нормальности нынешнего существования. В ней отсутствовала агрессия. Не было иных порывов, кроме как хранить и оберегать.

Но кто он такой, чтобы судить об этом? Как там писал Гессе? «Странно бродить в тумане, где каждый сам по себе. Даже дерево не знает другого, что растет рядом с ним. Каждый сам по себе». «Мы же не знаем друг о друге ничего, вообще ничего, – размышлял Смайли. – Как бы ни были мы близки, пребывая в иллюзии, что читаем самые потаенные мысли другого, на самом деле не знаем ничего. Как я могу разобраться в душе Эльзы Феннан? Мне только кажется, будто я понимаю ее страдания и причины ее испуганной лжи, но что мне действительно известно о ней? Ровным счетом ничего».

Мендель ткнул пальцем в дорожный указатель:

– Здесь я теперь живу. В Митчаме. Неплохое местечко, ей-богу! Я уже сыт по горло холостяцкими квартирами. Вот и купил полдома в этих краях. Перед уходом на пенсию.

– На пенсию? А тебе еще далеко до этого?

– Очень далеко. Целых три дня. Потому мне и поручили это задание. Ничего особенного, никаких возможных осложнений. Пусть этим займется старина Мендель, ему в самый раз.

– Вот оно как... Что ж, тогда к понедельнику мы оба останемся без работы.

Он довез Менделя до здания Скотленд-Ярда и отправился на Кембридж-серкус.

Когда Смайли входил внутрь, ему казалось, что здесь уже всем все известно. Он словно улавливал это во взглядах, в чуть изменившемся отношении к нему. Направился он напрямик к кабинету Мастона. Секретарша Советника в приемной быстро вскинула взгляд на Смайли.

– Советник у себя?

– Да. И ждет вас. Он как раз один. Когда я постучу, сразу входите.

Но Мастон открыл дверь сам и уже подзывал его к себе. На нем был черный пиджак и брюки в тонкую полоску. Он явно собирается в кабаре, подумал Смайли.

– Я тщетно пытался связаться с вами. Вам передавали мои сообщения? – спросил Мастон.

– Да, но у меня не было возможности поговорить с вами.

– Не понимаю почему?

– Потому что я не верю, что Феннан покончил с собой. Полагаю, его убили. А это не телефонный разговор, согласитесь.

Мастон снял очки и посмотрел на Смайли с глубочайшим удивлением.

– Убили? С чего вы это взяли?

– Феннан написал прощальное письмо в двадцать два тридцать прошлым вечером, если мы примем на веру время, указанное на листке.

– Ну и что?

– А в девятнадцать пятьдесят пять он позвонил на телефонную станцию и попросил разбудить его в восемь тридцать на следующее утро.

– Откуда, черт побери, вам об этом известно?

– Я как раз был там сегодня утром, когда со станции позвонили. И подошел к телефону, предполагая, что меня вызывают из офиса.

– Но откуда уверенность, что звонок заказал Феннан?

– Я навел справки. Девушка со станции хорошо знала голос Феннана; она не сомневается, что это был он. И позвонил в девятнадцать пятьдесят пять вчера вечером.

– Феннан водил знакомство с этой девицей, так что ли?

– Боже упаси, нет, конечно. Они просто иногда болтали по телефону.

– А с чего вы взяли, что его убили?

– Я задал его жене вопрос об этом звонке...

– И...

– И она мне солгала. Заявила, что заказала звонок сама. Она, дескать, страдает от провалов в памяти и потому иногда просит о напоминаниях телефонисток. Как завязывает узелок на носовом платке, если предстоит важная встреча. И еще одна деталь. Прежде чем застрелиться, он приготовил себе какао. Которое так и не выпил.

Мастон слушал молча. Но под конец улыбнулся и поднялся из кресла.

– Вы, как представляется, не поняли смысл своего поручения, – сказал он. – Я отправил вас выяснить, почему Феннан покончил с собой. А вы возвращаетесь и говорите, что он этого не делал. Не надо выполнять за полицейских их работу, Смайли. Мы с вами не детективы в штатском.

– Нет. И я иногда задумываюсь, кто мы вообще такие.

– Вам удалось выяснить хоть что-то касающееся непосредственно нас? Нечто, что хоть как-то объясняет его мотивы? Факты, подтверждающие содержание его предсмертного письма?

Смайли замялся, прежде чем ответить, хотя заранее знал, что до этого дойдет.

– Да. Насколько я понял со слов миссис Феннан, ее муж был очень расстроен после нашей беседы. – Теперь ему уже ничто не мешало выложить все начистоту. – Он очень нервничал, не мог нормально заснуть. Ей пришлось дать ему снотворное. Ее рассказ о реакции Феннана на беседу полностью совпадает с настроением письма. – Он немного помолчал, глядя перед собой с глуповатым видом и часто моргая. – Но я как раз и пытаюсь объяснить, что не верю ей. Не верю, что Феннан написал то письмо сам, как и в его самоубийство. – Он повернулся к Мастону. – Мы не можем просто отмахнуться от странностей в этом деле. Есть и кое-что другое, – поспешил добавить он, пока его не прервали. – Я еще не отдавал их на экспертизу, но существует определенное сходство между анонимкой и письмом Феннана. Шрифт идентичен. Понимаю, звучит невероятно, но это так. Нам необходимо привлечь к делу полицию и сообщить им все имеющиеся факты.

– Факты? – переспросил Мастон. – А какие факты? Предположим, жена действительно солгала, но, судя по моей информации, она уже старая женщина, иностранка, еврейка. Одному Богу известно, что творится у нее в голове. Мне сказали, что она пострадала во

время войны, попала за колючую проволоку и все такое. Она могла видеть в вас очередного врага, своего рода инквизитора. Поняв, что вы за что-то зацепились, она начинает паниковать и выдает вам ложь, какая только приходит ей на ум. Разве это делает из нее убийцу?

– Тогда зачем Феннан сделал тот звонок? Почему приготовил себе напиток, к которому так и не прикоснулся?

– А кто вообще может объяснить что-то подобное? – Голос Масто́на с каждой минутой становился раскатистее и увереннее. – Если бы я или вы, Смайли, однажды подошли к той ужасной черте, когда человек хочет добровольно уйти из жизни, кто смог бы предсказать наши поступки и мысли в последние минуты? Что же до Феннана, то здесь все проще. Он видит, что карьере пришел конец, его жизнь лишается смысла. Разве кому-то покажется столь уж невероятным, что в минуту слабости, еще ни на что не решившись окончательно, ему захотелось в последний раз услышать голос другого человека, получить частичку чужого тепла, прежде чем умереть? Согласен, это всего лишь допущение с налетом некоторой сентиментальности, но разве такое развитие событий не было возможным, принимая во внимание, в каком состоянии находился человек, стоявший на грани самоубийства?

Смайли не мог не отдать ему должного. Масто́н превосходно играл свою роль, и в этом он никогда не смог бы с ним тягаться. Он вдруг почувствовал, нарастающую волну паники от собственного невыносимого бессилия. Но вместе с этим чувством пришла почти безотчетная злость на позера и лицемерного подхалима, на шлюховатую бабу в мужском обличье с седеющими волосами и такой умной с виду улыбкой. Страх и ярость овладели им одновременно, пронизав тело, стеснив грудь. Лицо покраснело и разгорячилось, он ничего не видел сквозь очки, потому что на глаза навернулись слезы, только усугубляя унижение.

А Масто́н продолжал, к счастью, ничего не замечая:

– Вы никогда не убедите меня отправиться с этими так называемыми фактами к министру внутренних дел и заявить ему, что полиция пришла к неверному заключению; вам известно, что наши отношения с полицейскими и без того оставляют желать много лучшего. Конечно, у нас имеются определенные основания для подозрений: если излагать вкратце, то поведение Феннана прошлым вечером не совсем соответствует намерению покончить счеты с жизнью. Его жена, по всей вероятности, вам солгала. Но против нас мнение опытных сыщиков, досконально владеющих своей профессией, которые не обнаружили никаких странностей в обстоятельствах смерти, а миссис Феннан готова официально подтвердить, что собеседование довело ее мужа до полного отчаяния. Простите, Смайли, но здесь даже обсуждать нечего.

Воцарилось молчание. Смайли постепенно приходил в себя, чувствуя подавленность и не желая продолжать бессмысленный спор. Он по-прежнему близоручко смотрел прямо перед собой, его одутловатое морщинистое лицо оставалось багровым, уголки рта безвольно опущены. Масто́н ждал возражений, но Смайли смертельно устал и понял, насколько ему все это стало безразлично. Даже не взглянув больше на начальника, он поднялся и вышел.

Добравшись до своего кабинета, он сел за стол и принялся машинально перебирать текущие дела. В лотке с принесенными сегодня входящими бумагами лежало всего два-три служебных циркуляра и личное письмо, адресованное в министерство обороны на имя Дж. Смайли, эсквайра. Почерк на конверте был ему не знаком. Вскрыв его, он прочитал письмо.

Уважаемый мистер Смайли!

Для меня крайне важно встретиться с Вами завтра за обедом в «Комплит энглер» на Марлоу. Пожалуйста, сделайте все возможное, чтобы увидеться там со мной в час дня. Есть нечто, о чем я должен Вам сообщить.

*Ваш
Сэмюэл Феннан*

Письмо было написано от руки и датировано предыдущим днем, вторником третьего января. Судя по почтовому штемпелю, его отправили в шесть часов вечера из района Уайт-холла.

Смайли разглядывал его несколько минут, крепко зажав в пальцах и склонив голову набок с каменным выражением лица. Затем он отложил письмо, выдвинул ящик стола и достал листок девственно чистой бумаги. На нем он написал краткое прошение об отставке и пришил скрепкой приглашение Феннана. Вызвав звонком секретаршу, Смайли положил написанное в лоток «Исходящие» и направился к лифту. Кабина, как это часто происходило, надолго застряла в подвале, доставив туда каталку с чайными принадлежностями для дам из картотеки, и, подождав немного, Смайли стал спускаться по лестнице. На полпути вниз он спохватился, что оставил в кабинете плащ и кое-какие личные мелочи. Ничего, подумал он, пришлют как-нибудь ему на дом.

Он сидел в машине на стоянке, уставив взгляд в покрытое каплями дождя лобовое стекло.

Ему плевать. Да, черт возьми, ему на все наплевать! Не мог он избавиться только от удивления. От неожиданного ощущения почти полного контроля над собой. Различного рода беседы и допросы играли в жизни Смайли такую большую роль, что он уже давно привык считать себя надежно защищенным от них: касались ли они вопросов дисциплины, научных тем, медицины или религиозных взглядов. Скрытый от природы, он ненавидел допросы в любой форме, презирал попытки влезть в чужую душу, докопаться до каких-то фактов, которые порой неизбежно всплывали во время таких бесед. Ему вспомнился один особенно веселый и счастливый ужин с Энн в «Куалино» – дорогом ресторане в центре Лондона, за которым он рассказал ей о своей системе «хамелеона-броненосца», помогавшей оставить ни с чем любого инквизитора.

Они ужинали при свечах, белая кожа, жемчуга – они пили бренди – и широко распахнутые влажные глаза Энн, только для него; Смайли, разыгрывавший из себя пылкого любовника и делавший это на удивление хорошо; Энн, еще любившая его и очарованная установившейся между ними гармонией.

– ... Сначала я научился быть хамелеоном.

– Неужели ты пугал их отвратительной отрыжкой, мой мерзкий лягушонок?

– Нет, здесь все дело в цвете. Хамелеоны меняют окраску.

– Ах, ну, конечно, меняют окраску. Они садятся на зеленые листочки и становятся зелеными. Ты тоже зеленел, лягушонок?

Кончиками пальцев он прикоснулся к ее руке.

– Помолчи, шалунья, и послушай, как с помощью метода «хамелеона-броненосца», разработанного Смайли, обвести вокруг пальца самого настырного интервьюера.

Ее лицо придвинулось совсем близко, в глазах читалось обожание.

– Система основана на теории, что любой интервьюер никого не любит так, как самого себя, и будет невольно испытывать симпатию, увидев в тебе свое отражение. Твоя задача – окраситься в те же социальные, политические, эмоциональные и интеллектуальные цвета, отличающие человека, который тебя допрашивает.

– Как ты высокопарно выражаешься, мой надутый лягушонок. Тебя извиняет только то, что ты хороший любовник.

– Помолчи. Порой этот метод не срабатывает, когда интервьюер полный идиот или же находится в дурном расположении духа. И тогда ты превращаешься в броненосца.

– То есть надеваешь на себя такие непрошибаемые кольца, да, лягушонок?

– Нет, все гораздо проще. Силой воображения ты ставишь оппонента в такое положение, что начинаешь чувствовать себя существом более высокого порядка. Вот тебе пример. Меня готовил к конфирмации один бывший епископ. А поскольку я оказался единственной его паствой, то и получил испорченную половину каникул, отдуваясь перед ним за целую епархию. Но как-то, глядя на лицо епископа, я вообразил, что оно у меня на глазах покрылось толстым слоем шерсти, и тон нашего собеседования сразу же изменился. Теперь я уже говорил с ним свысока. А потом стал еще изощреннее. Приобрел способность превращать его в обезьяну, заставлял застревать в оконных проемах, мог отправить его нагишом на банкет к масонам, проклясть и заставить пресмыкаться на брюхе...

– Какой же ты жестокий, мой ласковый лягушонок!

Верно, так оно и было. Но вот в последних беседах с Мастоном магия мысленной отстраненности покинула его, он все принимал слишком близко к сердцу. Стоило Мастоноу завладеть инициативой, как Смайли почувствовал чрезмерную усталость и отвращение, мешавшие бороться с ним. Он предполагал, что Эльза Феннан убила мужа, имея на то веские причины, но только ему это вдруг стало совершенно безразлично, не волновало абсолютно. Проблемы больше не существовало. Его подозрения, его опыт, его безошибочные инстинкты, здравый смысл, наконец, – для Мастоно все это не было реальностью и фактами. Фактом был только бумажный рапорт, отчет. Фактами были министры, среди которых министр внутренних дел выделялся как особо тяжелый случай. А потому департамент Мастоно совершенно не интересовало мнение даже самого мудрого из его сотрудников, если оно шло вразрез с нужной политической линией.

Совершенно измученный, Смайли неторопливо ехал в сторону дома. Сегодня он устроит себе ужин в ресторане. Причем закажет что-нибудь необычное. Время только приближалось к обеду – до наступления вечера он мог предаться чтению истории путешествия Олеария через бескрайнюю Россию с ганзейской торговой миссией. А потом – ужин в «Куалино» и тост, который он поднимет в одиночестве. Тост за удачливых убийц, то есть за Эльзу, причем с благодарностью: покончив с Сэмюэлом Феннаном, она заодно подвела черту под долгой карьерой Джорджа Смайли.

Не забыв по дороге забрать белье из прачечной, он наконец свернул на Байуотер-стрит, обнаружив свободное место для парковки только в трех домах от своего. Он выбрался из машины, держа под мышкой коричневый пакет, полученный в прачечной, а потом не только запер замок, но и по привычке обошел вокруг автомобиля, подергав все двери. По-прежнему сеял мелкий дождик. Он с раздражением заметил, что кто-то опять занял место для стоянки у тротуара напротив его дома. Слава Богу, миссис Чэпел догадалась закрыть в его спальне окна, иначе дождь мог...

Внезапно он насторожился, заметив легкое движение в гостиной. То ли световой блик, то ли тень, то ли фигура человека, но что-то бросилось ему в глаза, в этом он не сомневался. Впрочем, действительно ли он заметил нечто, или сработал инстинкт, выработанный годами профессиональный навык? Что бы то ни было – предчувствие, чутье или напряженные нервы, которые иногда обретали повышенную восприимчивость, но он получил предупреждение и не мог игнорировать его.

Ни секунды не колеблясь, он снова положил уже приготовленные ключи от дома в карман пальто, взойшел по ступенькам и нажал кнопку звонка.

Звук эхом прокатился по дому. Несколько секунд тишины, а потом Смайли явственно услышал, как к входной двери изнутри приближаются шаги, четкие и уверенные. Скрежет цепочки, щелчок засова, и дверь открылась спокойно, без малейшей заминки.

Смайли никогда прежде его не видел. Высокий, светловолосый, привлекательный, лет тридцати пяти. Светло-серый костюм, белая рубашка, серебристый галстук – униформа дипломата. Немец или швед. Левая рука небрежно лежала в кармане пиджака.

Смайли посмотрел на него, словно извиняясь, что потревожил.

– Добрый день. Не подскажете, мистер Смайли дома?

Дверь теперь открылась нараспашку. Лишь мгновенная нерешительность выдала незваного гостя.

– Да. Почему бы вам не войти?

На секунду испытал замешательство и он сам.

– Нет, спасибо. Передайте ему, пожалуйста, вот это.

Он вручил мужчине пакет из прачечной и спустился по ступенькам обратно к своей машине. Он знал, что за ним продолжают наблюдать. Завел двигатель, отъехал от тротуара и свернул на Слоун-сквер, ни разу не бросив взгляда назад. На Слоун-сквер он сразу нашел место, чтобы остановиться, и поспешно записал в своем ежедневнике семь номеров автомобилей. Тех, что были припаркованы вдоль Байуотер-стрит.

Что ему теперь делать? Обратиться к ближайшему патрульному полисмену? Но того, кто вломился к нему в дом, должно быть, уже и след простыл. Впрочем, были у него и другие соображения. Он снова запер машину, перешел улицу к будке телефона-автомата. Позвонил в Скотленд-Ярд и попросил соединить его с инспектором Менделем из особого отдела. Но, как выяснилось, инспектор отчитался перед комиссаром, а потом в предвкушении скорой отставки отправился в Митчам. После продолжительных препирательств Смайли все же дали его адрес. Он снова сел в машину, объехал вокруг площади и свернул в сторону моста Альберта. В новом пабе с видом на реку он съел сэндвич, выпил двойную порцию виски и уже через четверть часа пересек мост в направлении Митчама. Дождь все еще поливал неприметную маленькую машину Смайли. Но теперь он был встревожен, встревожен всерьез.

Глава 6

Чай и гостеприимство

Когда он добрался до нужного места, дождь все еще не кончился. Мендель возился в саду, напялив самую нелепую шляпу, какую Смайли когда-либо видел. Она начала свое существование как военно-полевой головной убор австралийского солдата, но теперь ее необъятные поля провисли по всей округности, и Мендель в ней больше всего напоминал высоченный гриб. Он в задумчивости стоял над тремя пнями, крепко сжимая в мускулистых руках зловещего вида кирку.

Какое-то время Мендель пристально смотрел на Смайли, а потом его губы медленно скривила усмешка, и он протянул руку для пожатия.

– Проблемы? – скорее констатировал, чем спросил Мендель.

– Проблемы.

Смайли по тропинке последовал за ним в дом: типичный для пригорода, но комфортабельный.

– Извини, не успел развести огонь в гостиной. Сам приехал совсем недавно. Не возражаешь, если попьем чаю в кухне?

Они прошли в кухню. Смайли с легким удивлением отметил безупречную чистоту и почти женскую аккуратность во всем, что его окружало. Только полицейский календарь на стене портил общее впечатление. Пока Мендель ставил чайник на плиту, доставал чашки и блюдца, Смайли без излишних эмоций рассказал ему о том, что произошло на Байуотер-стрит. Когда он закончил, Мендель долго молчал, глядя на него.

– Но зачем он пригласил тебя войти?

Смайли сморгнул и слегка порозовел.

– Мне тоже интересно узнать ответ на этот вопрос. Своим приглашением он на мгновение привел меня в замешательство. К счастью, подвернулся тот пакет из прачечной. – Он отхлебнул из своей чашки. – Впрочем, не думаю, что пакет ввел его в заблуждение. Мог, но едва ли. Мне в это верится с трудом.

– Почему же?

– Я бы сам, например, не купился на это. Низкорослый мужчина на простом «форде» без маркировки доставляет белье из прачечной? Что-то не сходится, верно? Кроме того, я спросил, дома ли Смайли, а потом не пожелал увидеть его – это тоже должно было показаться довольно-таки странным.

– Но какие цели он преследовал? Что собирался сделать с тобой? За кого он тебя принял?

– В том-то и дело, в том-то и суть, понимаешь? Я считаю, что именно меня он и дожидался, но не мог предположить, что я стану звонить в собственную дверь. Это и смутило его. Полагаю, он собирался меня убить. Потому и пригласил войти: он узнал меня, но не сразу, потому что, по всей вероятности, видел прежде лишь фотографию.

Мендель снова некоторое время молча смотрел на него.

– Боже! – наконец произнес он потом.

– Предположим, я прав, – продолжил Смайли, – и прав во всем. Допустим, Феннан все-таки был убит прошлым вечером, а я едва не стал следующей жертвой сегодня утром. Но моя профессия тем и отличается от твоей, что мы не каждый день сталкиваемся с убийствами.

– К чему ты клонишь?

– Не знаю. Я просто ничего не знаю. Вероятно, прежде чем мы сможем продолжить, ты мог бы проверить для меня вот эти номера машин. Они были припаркованы вдоль Байуотер-стрит нынешним утром.

– А почему ты не можешь сделать это сам?

Несколько секунд Смайли смотрел на него в полнейшем недоумении. И только потом до него дошло, что он даже не упомянул о своей отставке.

– Прости, с этого надо было начинать. Утром я подал заявление об уходе. Думаю, успел подсунуть его как раз вовремя, чтобы не быть уволенным. А потому я теперь свободен как птица. И примерно в такой же степени имею перспективу найти другую работу.

Мендель взял у него список номеров и вышел в прихожую к телефону. Вернулся он уже через пару минут.

– Они перезвонят через час, – сказал он. – А пока пойдем. Я покажу тебе свою усадьбу. Скажи мне, многое ли тебе известно, например, о пчелах?

– Признаться, если и известно, то очень мало. В Оксфорде я одно время увлекся естественными науками.

Ему хотелось рассказать Менделю, как он мучительно пытался разобраться с метаморфозами растений и животных у Гете в надежде, подобно Фаусту, постичь «в чем истина и сущность мироздания». Он хотел объяснить, почему нельзя понять Европу девятнадцатого столетия, если не ознакомиться с трудами ведущих натуралистов той эпохи, он чувствовал себя серьезным и преисполненным важных мыслей, хотя в глубине души понимал, что для его ума это всего лишь способ отвлечься от событий дня, что на самом деле им попросту владеет нервное возбуждение. У него обильно потели ладони.

Мендель вывел его из дома через дверь заднего двора: три опрятных улья стояли у невысокой кирпичной стены, служившей границей его сада. Мендель заговорил, пока они стояли под мелкой моросью.

– Мне всегда хотелось завести их, понять, что это за существа. Успел прочитать массу литературы, и, если честно, эти странные мелкие твари до сих пор наводят на меня страх.

Он дважды подряд кивнул, словно для того, чтобы усилить эффект своих слов, а Смайли снова с интересом оглядел его. Лицо Менделя – острое и худое, было тем не менее мужественным, а его выражение по большей части непроницаемым; короткие седые, с металлическим отливом, волосы стояли торчком. Казалось, погода ему совершенно безразлична и интересуется его не больше, чем интересовал погоду он сам. Смайли подумал, что он в точности знает, какая жизнь осталась за плечами у Менделя, поскольку встречал этот тип полицейских по всему миру: с такой же загрубелой кожей лица, неограниченным запасом терпения, но исполненных горечи и злости. Он догадывался о многих и долгих ночах бесплодной слежки при любой погоде за кем-то, кто так и не появлялся... Или появлялся, чтобы мгновенно снова скрыться. И он знал, как сильна была зависимость Менделя и ему подобных от расположения духа различных личностей – капризных и грубых, нервных и переменчивых, которые лишь изредка проявляли здравый смысл и симпатию к своим подчиненным. Ему случалось наблюдать, как часто умного человека мог сломать тупой начальник, как недели тщательной и кропотливой работы сводились на нет единственной глупостью подобного босса.

По скользкой, выложенной щебенкой дорожке Мендель подвел его к улью и, по-прежнему не обращая внимания на дождь, принялся разбирать один из них, демонстрируя и объясняя. Говорил он быстрыми репликами, между которыми следовали продолжительные паузы, точно и неторопливо указывая на предмет рассказа тонкими пальцами.

Наконец они вернулись в дом, и Мендель ознакомил гостя с двумя помещениями первого этажа. Гостиная была вся в цветочек: шторы и ковер с цветочными узорами, такие же покрывала на мебели. В дальнем углу расположилась небольшая горка с коллекцией пивных кружек в виде пузатых человечков и парой весьма симпатичных пистолетов рядом с кубком, полученным хозяином за точность стрельбы.

Потом Смайли провели наверх. На лестничной площадке пахло керосином от плитки, а из туалета доносилось угрюмое журчание воды в бачке.

Сначала Мендель показал свою спальню.

– Почти свадебные хоромы. Кровать купил по распродаже за гроши. Прямоугольный матрас на пружинах. Поразительно, чего там только не найдешь, если порыться как следует. Обрати внимание – ковры еще времен королевы Елизаветы. Отхватил их у старьевщика в Уотфорде. Там каждый год находишь что-нибудь новенькое.

Смайли стоял в дверях, испытывая некоторую неловкость. Мендель повернулся и открыл дверь второй спальни.

– А это – комната для тебя. Если пожелаешь. – Он вскинул взгляд на Смайли. – На твоём месте я бы не осмелился ночевать сегодня дома. Ни в чем ведь нельзя быть уверенным, верно? К тому же здесь ты лучше выспишься. Совершенно другой воздух.

Смайли попытался возражать.

– Что ж, как будет угодно. – Мендель нахмурился, тоже, видимо, почувствовав неловкость. – Правду сказать, совершенно не понимаю твоей работы, как и ты ничего не смыслишь в полицейском деле. Поступай как знаешь. Насколько я успел убедиться, ты вполне способен позаботиться о себе сам.

Они спустились вниз. Мендель разжег газовый камин в гостиной.

– По крайней мере ты должен позволить мне угостить тебя сегодня ужином, – сказал Смайли.

В прихожей зазвонил телефон. Секретарша Менделя сообщила информацию о номерах машин.

Мендель вернулся в гостиную и подал Смайли список с семью фамилиями и адресами. Четыре можно было исключить сразу – владельцы автомобилей жили на Байуотер-стрит. Оставались три варианта: машина, взятая напрокат в фирме «Адам Скарр и сыновья» в Баттерси; фургон, принадлежавший компании «Северн тайл», торговавшей керамической плиткой в Истберне; третье транспортное средство находилось в личной собственности посла Панамы в Лондоне.

– Я послал человека проверить панамский след. Там сложностей не возникнет. На все посольство у них всего три автомобиля. Баттерси недалеко отсюда, – продолжал Мендель. – Можем заскочить туда вместе на твоей машине.

– Непременно, непременно, – сказал Смайли, – а потом отправимся в Кенсингтон ужинать. Я закажу для нас столик в «Антраша».

Было только четыре часа дня. Они какое-то время сидели и просто довольно-таки бесвязно болтали то о пчелах, то о ведении домашнего хозяйства. Причем если Мендель уже почувствовал себя раскованно, то Смайли все еще не мог преодолеть беспокойства и неловкости, силясь взять нужный тон в разговоре, чтобы не выглядеть умником на фоне собеседника. Он догадывался, что сказала бы о Менделе Энн. Она бы полюбила его, вылепила из него исключительную личность, научилась бы подражать его голосу и манере говорить, придумала бы ему историю, чтобы окончательно вписать в свой круг и он больше не казался в нем белой вороной: «Милый, ну кто бы мог подумать, что он окажется настолько приятным в общении! Кто еще мог бы так непринужденно посоветовать мне, где покупать дешевую рыбу? И какой славный у него домик! Такой простой! Он же наверняка прекрасно знает, что эти пивные кружки просто ужасны, но не придает этому значения. Мне он сразу понравился. Ты просто обязан, мой лягушонок, пригласить его к нам на ужин. Обязан, слышишь? И вовсе не для того, чтобы похихикать, а чтобы узнать поближе». Смайли, разумеется, никогда бы не пригласил его, но для Энн уже самого желания пообщаться было довольно, чтобы таким образом выразить симпатию к Менделю, а потом сразу забыть о нем.

Это было как раз то, к чему сейчас искренне стремился Смайли – найти способ полюбить Менделя. Сделать это так быстро, как получилось бы у Энн, он и не мечтал. Но то была Энн. Она однажды чуть не убила своего окончившего Итон племянника за то, что тот пил кларет под рыбу, но она бы и бровью не повела, вздумай Мендель раскурить трубку над тарелкой с ее *crêpe Suzette*⁶.

Мендель заварил еще чая, и они выпили по чашке. А примерно в четверть шестого отправились на машине Смайли в Баттерси. По дороге Мендель купил вечернюю газету. Читать ее при свете мелькавших мимо фонарных столбов было непросто. Однако несколько минут спустя он заговорил с довольно неожиданной злобой в голосе:

– Фрицы. Эти проклятые фрицы! Боже, как же я их ненавижу!

– Фрицев?

– Да, фрицев, гансов, бошей. Чертовых немцев. Гроша ломаного не дал бы за них всех. Грубое кровожадное стадо баранов. Снова нападки на евреев. А ведь там повсюду наши. Наказать бы их в назидание другим. Но нет: простим и забудем! С какой стати забывать, хотел бы я понять? Почему мы должны простить и забыть об ограблениях, убийствах и изнасилованиях только потому, что в них повинны сразу миллионы людей? Господи, стоит какому-нибудь банковскому клерку прикарманить десять шиллингов, как на него устраивает охоту вся столичная полиция. Но господа Крупп и вся остальная банда – это святое. Их не тронь. Боже, да будь я евреем в Германии...

Смайли неожиданно словно проснулся:

– И что бы ты сделал? Как бы ты поступил, а, Мендель?

– Что ж, я бы, наверное, тоже сидел и терпел. Теперь это все статистика и голая политика. Ведь не здравый смысл подсказывает дать им водородную бомбу, а чистейшее политиканство. И еще янки... Миллионы розовощеких евреев живут в Америке. И что же они делают? Они, черт побери, своими руками вооружают фрицев. Друзья навеки. Только однажды эти друзья подложат тебе твою же бомбу.

Мендель кипел от ярости, а Смайли молчал, думая об Эльзе Феннан.

– И как же решать проблему? – спросил он потом, чтобы молчание не слишком затянулось.

– Одному Богу известно, – резко ответил Мендель.

Они свернули на Баттерси-Бридж-роуд и подъехали к патрульному констеблю, стоявшему посреди проезжей части. Мендель показал ему свое удостоверение офицера Скотленд-Ярда.

– Гараж Скарра? Я бы не назвал это гаражом, сэр. Просто обычный двор. Он в основном торгует металлоломом и подержанными машинами. Если не продадутся как одно, то уж точно сойдут за другое – любимая присказка Адама. Вам нужно проехать по Принс-оф-Уэльс-драйв до здания больницы. Там он и находится между парой домов из сборных конструкций. А раньше на том месте была просто большая воронка от бомбы. Старина Адам завалил ее шлакоблоками и стал использовать под свою площадку. С тех пор никто даже не пытался выселить его оттуда.

– Похоже, вы его хорошо знаете, – заметил Мендель.

– Мне ли его не знать! Не раз случалось прищемить ему хвост. В уголовном кодексе почти не осталось статей, по которым Адам Скарр еще не привлекался. Он – один из наших здешних мелких рецидивистов.

– Понятно. А сейчас у вас есть на него что-нибудь?

– Так сразу не скажу. Хотя вы можете смело брать его в любой момент за незаконное букмекерство. И вообще он уже давно просится под Акт, сэр.

⁶ Креп-сюзетт, десерт: блинчики с апельсиновым соусом (*фр.*).

Они поехали дальше в сторону больницы. Справа тянулся парк, казавшийся зловеще темным за линией уличных огней.

– Что значит просится под Акт? – спросил Смайли.

– А! Это теперь популярная угроза. По недавно принятому закону, если за тобой числится длинный список преступлений и правонарушений, то тебя можно упечь за решетку в профилактических целях – причем надолго. Похоже, этот Скарр – мой клиент, – продолжал Мендель. – Предоставь его мне.

Владения Скарра они нашли в точности там, где указал констебль – между двумя захудалыми панельными домишками и неровным рядом каких-то еще строений, возведенных на месте падения бомбы. Все вокруг было усеяно кусками шлака, бытовым мусором и обломками кирпичей. Листы асбеста, железа и доски, очевидно, приобретенные мистером Скарром для перепродажи, громоздились в одном из углов, едва различимые в скудном свете, пробивавшемся из окон домишек. Двое мужчин какое-то время стояли молча, озираясь по сторонам. Потом Мендель пожал плечами, сунул два пальца в рот и оглушительно свистнул.

– Скарр! – крикнул он.

Тишина. Затем на одном из сборных домов зажегся наружный фонарь, осветивший по краям двора три или четыре машины еще довоенного производства и разной степени изношенности.

Медленно открылась дверь, и на пороге появилась девочка лет двенадцати.

– Папа дома, милая? – спросил Мендель.

– Не-а. Пошел в «Приблуду», как пить дать.

– И на том спасибо, милашка.

Они направились обратно в сторону улицы.

– Можно поинтересоваться, что это еще за «Приблуда»? – спросил Смайли.

– «Приблудный теленок». Это паб здесь за углом. До него не больше ста ярдов пешком. Так что оставь машину здесь.

Время открытия только-только наступило, и в пабе никого еще не было. Но пока они ждали появления владельца в зале, внутрь ввалился тучный мужчина в черном костюме. Он сразу подошел к стойке и принялся стучать по ней монетой в полкроны.

– Уилф! – заорал он. – Высунь суда свой нос. У тебя появились клиенты, счастливый ты сукин сын! – Потом повернулся к Смайли. – Добрый вечер, дружище.

Откуда-то из подсобки донесся голос:

– Скажи им, пусть оставят деньги на стойке и зайдут попозже.

Толстяк еще какое-то время разглядывал Менделя и Смайли, а потом вдруг разразился хохотом:

– Они тебе ничего не оставят, Уилф. Эти парни – полицейские ищейки!

Комичность ситуации так развеселила его, что он плюхнулся на скамью, тянувшуюся вдоль стены заведения, положил ладони на колени и зашелся от смеха. Даже слезы выступили на глазах и потекли по пухлым щекам.

Он едва успел отдышаться, чтобы пробормотать: «Вот хохма-то!» – и опять начал мелко трястись в новом приступе.

Смайли с интересом разглядывал колоритную фигуру. На мужчине был очень грязный и жесткий воротничок с закругленными углами, красный галстук в цветочек, тщательно подколотый булавкой к черному жилету, армейские башмаки и лоснящийся черный костюм, очень сильно поношенный и без всяких следов стрелок на брюках. Рукава рубашки потемнели от пота и машинного масла, а запонки заменялись скрученными узлами канцелярскими скрепками.

Появился бармен и принял заказы. Незнакомец взял себе двойное виски и бокал имбирного вина, которые сразу же отнес за столик в зале поближе к камину, который топили углем. Хозяин наблюдал за ним с брезгливой гримасой.

– Вот он весь в этом, мелкая сволочь. Платить за столик не желает, но любит погреться на дармовщинку⁷.

– Кто он такой? – спросил Мендель.

– Это? Скарр. Адам Скарр. Только какой из него, к дьяволу, Адам? Вообразите себе такого в райском саду. Чудовищное зрелище. И сам он чудовище. У нас здесь шутят, что если бы Ева дала ему яблоко, он бы стрескал его вместе с огрызком. – Бармен выпустил воздух сквозь зубы и покачал головой. А потом крикнул, обращаясь к Скарру: – Но ты все равно приносишь мне пользу, правда, Адам? Народ стекается сюда за много миль, чтобы полюбоваться на тебя – чумазого пришельца из космоса. Спешите видеть! Адам Скарр: одного взгляда достаточно, чтобы захотелось напиться.

На этот раз засмеялись оба. Мендель склонился к Смайли:

– Иди и подожди в машине. Тебя в это впутывать ни к чему. Есть пятерка?

Смайли достал из бумажника пять фунтов, кивнул и вышел из паба. Его действительно тошнило от одной мысли о том, что придется иметь дело со Скарром.

– Ты – Скарр? – спросил Мендель.

– В самую точку, дружище. Он самый.

– Машина с номером ТРХ ноль восемь девяносто твоя?

Мистер Скарр сразу помрачнел, оглядывая бокалы с виски и вином. Вопрос явно не пришелся ему по вкусу.

– Ну, так как же?

– Была моя, сквайр, была моя.

– Выражайся яснее! Что значит – была?

Скарр воздел правую руку вверх, а потом плавно опустил ее.

– Темна вода во облацех, сквайр. Ох и мутна.

– Послушай, у меня сейчас на крючке такая большая рыба, какая тебе и во сне не приснится. Так что не надо морочить мне голову. Никого не волнует твой мелкий рэкет. Говори, где машина.

Но Скарр не торопился с ответом, словно тщательно взвешивая смысл услышанного.

– Вот теперь я узрел свет, дружище. Тебе, значит, нужна информация?

– Само собой! Стал бы я иначе тратить здесь время.

– Но ныне наступили тяжелые времена, сквайр. Стоимость жизни взлетела до небес, друг мой. А информация – тот же товар, который продается и покупается. Или я ошибаюсь?

– Скажи мне, кто взял у тебя машину, и с голода не помрешь.

– Я не страдаю от голода, дружище. Я хочу кушать лучше.

– Пятерка.

Скарр выпил один из бокалов и с громким стуком поставил на стол. Мендель поднялся и заказал ему еще выпить.

– Ее у меня угнали, – сказал Скарр. – Понимаешь, я несколько лет сдавал ее напрокат. За депо.

– Где?!

– Не где, а как. За депо, то есть за депозит. Скажем, парню нужна машина на день. Ты берешь у него двадцать фунтов наличкой, так? Когда он ее возвращает, то должен за прокат

⁷ Как и в большинстве европейских баров, выпивка за стойкой в английских пабах стоит дешевле, чем за столом в зале.

сорок монет⁸. Ты якобы вручаешь ему чек на тридцать восемь фунтов и в бухгалтерской книге списываешь по статье убыток. А в итоге десятка чистоганом достается тебе. Дошло?

Мендель кивнул, хотя мало что понял.

– Так вот, три недели назад ко мне пришел один тип. Высокий шотландец. С виду денежный мешок. Ходит с тростью. Он внес депозит, взял тачку, и больше я не видел ни его, ни машины. Чистый грабеж.

– Почему же не заявил в полицию?

Скарр помедлил, держа в руке бокал.

– Слишком много факторов подсказывали, что лучше не делать этого, сквайр.

– То есть ты угнал ее сам у себя?

Скарра подобное предположение как будто шокировало.

– Скажем так, я недавно узнал, что у того, кто продал мне когда-то эту машину, возникли серьезные неприятности. Не стану вдаваться в детали, – добавил он с лицемерной грустью.

– Но когда ты сдавал машину в прокат, он должен был заполнить разные бланки, не так ли? Страховка, расписка и тому подобное. Где они?

– Все оказалось фальшивкой и враньем. Он дал мне свой адрес в Илинге. Я поехал туда, но такого дома нет в природе. Не сомневаюсь, что и фамилия вымышленная.

Мендель свернул однофунтовые купюры в трубочку, не вынимая из кармана, а потом протянул через стол Скарру. Скарр разгладил бумажки на столе и демонстративно пересчитал, чтобы это могли видеть все, кому была охота наблюдать за ними.

– Я знаю, где тебя найти, – сказал Мендель, – и имею на тебя кое-какой компромат. Если ты только что наплел мне небылиц, я тебе шею сверну.

Снова шел дождь, и Смайли пожалел, что не надел шляпу. Он пересек улицу, свернул в проулок, где располагалась фирма мистера Скарра, и направился к своей машине. Вокруг не было ни души, и царила необычайная тишина. В двухстах ярдах дальше располагалась районная больница Баттерси, небольшое, но аккуратное здание с ярко освещенными окнами. Мостовая буквально пропиталась влагой, а его собственные шаги отдавались резким и неприятным эхом.

Он поравнялся с первым из сборных домов, отмечавшим начало владений Скарра. Прямо посреди двора стояла машина с включенными подфарниками. Заинтригованный Смайли пошел к ней. Это был седан марки «Эм-джи». Номерной знак был плохо освещен и местами забрызган грязью. Он остановился, чтобы разобрать его, проводя пальцем по каждой цифре и букве: TRX 0890. Ну, конечно, это был один из номеров, записанных им нынешним утром.

За спиной раздались шаги. Смайли поднялся и начал поворачиваться, но успел только слегка приподнять руку, когда ему нанесли удар.

В удар была вложена ужасающая сила – показалось, что череп раскололся пополам. Упав, Смайли почувствовал, как кровь струей бежит вокруг левого уха. «Только не это, – подумал он, – Боже, не дай ему ударить снова». Но больше он уже почти не почувствовал – видел только свое тело откуда-то со стороны, словно оно попало в камнедробильную машину и там трещало и распадалось на части, а потом и вовсе ничего не стало. Ничего, кроме ощущения теплоты собственной крови, растекавшейся по валявшимся на земле шлакоблокам, и отдаленного грохота камнедробилки. Но не здесь, а действительно где-то очень далеко.

⁸ Сорок монет – в данном случае сорок шиллингов, или восемь фунтов.

Глава 7

Рассказ мистера Скарра

Мендель посмотрел на него. Оставалось только гадать, жив он или нет. Опустошив карманы своего плаща, Мендель бережно накрыл им Смайли, а потом как безумный побежал в сторону больницы, ворвался сквозь вращающуюся дверь поликлинического отделения и оказался в круглосуточно освещенном приемном покое. Дежурил молодой врач из «цветных». Мендель совал ему под нос свое удостоверение, что-то кричал, хватал за руку и пытался вытащить на улицу. Но доктор лишь терпеливо улыбался, качал головой и по телефону дозванивался в «скорую». Мендель кинулся назад и стал ждать. Через несколько минут «скорая помощь» прибыла, из нее вышли хорошо обученные своему делу санитары и увезли Смайли.

«Если он умрет, – подумал Мендель. – я заставлю эту сволочь заплатить за все сполна».

Какое-то время он оставался на месте, изучая грязный шлак, на который упал Смайли. При красном свете задних габаритных огней машины толком разглядеть ничего не удавалось. Все кругом было безнадежно затоптано санитарями и несколькими обитателями сборных домишек. Местные жители сначала слетелись, как хищные птицы на падаль, а потом молниеносно исчезли, поняв, что у них могут возникнуть проблемы, а проблем не хотелось никому.

– Сволочь, – снова прошипел Мендель и медленно побрел назад к пабу.

Зал постепенно заполнился. Скарр заказал себе еще порцию выпивки. Мендель взял его за рукав. Скарр повернулся к нему и сказал:

– А, ты вернулся, дружище. Присаживайся и выпей какой-нибудь отравы покрепче.

– Заткнись, – бросил Мендель. – Мне нужно снова поговорить с тобой. Пойдем на улицу.

Мистер Скарр помотал головой и причмокнул:

– Ничего не получится, старина. Никак не могу. У меня здесь намечается компания.

Он кивком указал на восемнадцатилетнюю крашеную блондинку с белесой помадой на губах, которая неподвижно сидела за угловым столиком. Ее густо подведенные глаза хранили выражение вечного испуганного изумления.

– Слушай меня внимательно, – прошептал Мендель. – Даю тебе ровно две секунды. А потом я оторву тебе уши, ты, лживая мразь!

Скарр отдал бокал на сохранение бармену, а потом неторопливо, с чувством собственного достоинства направился к выходу. На девицу он даже не посмотрел.

Мендель перевел его на противоположную сторону улицы, к сборным домам. В восьмидесяти ярдах оттуда были видны включенные подфарники машины Смайли.

Они свернули во двор. «Эм-джи» все еще стояла на прежнем месте. Мендель крепко держал Скарра за руку, готовый при необходимости с силой вывернуть ее вверх, чтобы сломать или вывихнуть плечевой сустав.

– Вот так дела! – воскликнул Скарр, приятно удивленный. – Она, стало быть, сама вернулась в родное гнездышко.

– Значит, угнали? – переспросил Мендель. – Увел высокий шотландец с тростью и адресом в Илинге? Как мило с его стороны вернуть украденное, верно? Дружеский жест, пусть и немного запоздалый. Ты явно занялся не своим делом, Скарр. – Менделя трясло от злости. – И почему габариты включены? Открой дверь.

Скарр в темноте повернулся к Менделю, свободной рукой похлопал по карманам в поисках ключей. Достал связку, ощупал каждый ключ, нашел нужный и отпер дверь машины.

Мендель забрался в салон, нашел выключатель в крыше кабины и нажал на него. Затем методично обыскал автомобиль. Скарр стоял снаружи и ждал.

Мендель работал быстро, но тщательно. Перчаточное отделение, сиденья, полы, пространство перед задним стеклом: ничего. Затем он запустил руку в кармашек пассажирской двери, достав оттуда дорожную карту и конверт. Он был длинный и плоский, серо-голубой, окантованный ленточкой. Сделано на континенте, отметил про себя Мендель. Никаких надписей сверху не оказалось. Он вскрыл конверт. Внутри лежали десять потрепанных пятифунтовых купюр и простая открытка без рисунка. Мендель поднес ее к свету и прочитал записку, выведенную печатными буквами шариковой ручкой:

ДЕЛО СДЕЛАНО. ПРОДАЙ ЕЕ.

Подпись отсутствовала.

Он вышел из машины и ухватил Скарра за локти. Тот невольно сделал шаг назад.

– В чем проблема, дружище? – спросил он.

Мендель ответил спокойно и негромко:

– У меня проблем нет, Скарр. А вот у тебя есть. И большая. У тебя охренительная проблема, каких еще никогда не возникало. Сговор с целью убийства, покушение на убийство, нарушение закона о государственной тайне. И можешь для довеска добавить нарушение правил сдачи в аренду транспортных средств, мошенничество, уклонение от уплаты налогов и еще пятнадцать других обвинений, основания для которых я найду, пока ты будешь париться на койке в камере.

– Минуточку, легавый, минуточку! Давай без эмоций. О чем ты толкуешь? При чем здесь убийство?

– Лучше послушай меня, Скарр. Ты – мелкая сошка, влез в дела больших людей, верно? Так что не удивляйся, если и отвечать придется по-крупному. Думаю, потянет лет на пятнадцать.

– Заглохни! Я не из пугливых.

– Нет, тебе придется все выслушать до конца, мелкий подонок. Ты вляпался в очень серьезное дело и расплатишься по полной программе. А мне что? Я буду сидеть и посмеиваться, пока ты сгниешь в Скрабсе⁹, пялясь на свое толстое брюхо. Видишь ту больницу? Там сейчас лежит при смерти мой товарищ, которого пытался отправить на тот свет твой высокий шотландец. Его нашли полчаса назад истекающим кровью в твоём дворе. А до этого был еще покойник в Суррее и, откуда мне знать, может, еще по одному в каждом графстве. Так что это твоя проблема, сволочь ты несчастная, а не моя. И есть еще кое-что. Ты ведь единственный, кто знает шотландца в лицо, угадал? Ему скорее всего захочется окончательно замести за собой следы. Не боишься?

Скарр медленно обошел вокруг машины.

Мендель уселся за руль и отпер пассажирскую дверь изнутри. Скарр расположился рядом с ним. Свет они больше не включали.

– Я так спокойно занимался здесь своим бизнесом, – грустно сказал Скарр. – Навар был небольшой, но стабильный. То есть до тех пор, пока не объявился этот тип.

– Что за тип?

– Давай без спешки, легавый. Не подгоняй меня. Это случилось четыре года назад. До встречи с ним я не верил в Санта-Клауса. Он назвался голландцем, сказал, что занимается бриллиантами. Не скажу, что поверил ему на слово, потому что я, как и ты, не такой уж простак. Я не задавал вопросов о его делах, а он со мной не откровенничал, но, думаю, это была контрабанда. Деньжищи у него водились пачками, это правда. Был увешан ими, как

⁹ Имеется в виду Уормвуд-Скрабс – известная лондонская тюрьма.

рождественская елка. «Скарр, – сказал он мне, – ты деловой человек. Я тоже. Оба не любим шумихи. По всему видать, мы с тобой птицы одного полета. Мне нужна машина. Но не навсегда, а на время». Это не в точности его слова, поскольку он говорил на ломаном английском, но смысл я тебе передаю точно. «Что ты предлагаешь? – спросил я. – Выкладывай».

«Что ж, – ответил он, – я еще и очень скромный человек. Мне нужна машина, чтобы никто по ней не смог меня найти. Даже если попаду в аварию. Купи мне тачку, Скарр, старую, но надежную, с хорошим движком под капотом. Но купи на свое имя и держи наготове для меня. Вот тебе пять сотен для начала, и будешь получать по двадцатке за каждый месяц хранения в гараже. Плюс плата за каждый день использования. Но хочу повторить, Скарр. Я – скромный и застенчивый, а потому ты меня не знаешь. За это и будешь получать хорошие деньги. За то, что даже не знаком со мной». Так он это изложил.

Никогда не забуду тот день. Дождь лил как из ведра, а я возился со старым такси, которое как-то купил у одного приятеля в Уонусворте. Я тогда задолжал одному букмекеру сорок фунтов, и легавым бы не понравилось, если бы мне пришлось в голову швыряться деньгами. Так что я для вида просто обменял такси на невзрачный с виду «эм-джи», который нашел в Клэпхеме.

Мистер Скарр глубоко вздохнул с таким грустным видом, что выглядел почти комично.

– А потом возник тот тип, как нечистая совесть, засыпав меня купюрами, словно это были старые лотерейные билеты.

– Как он выглядел? – спросил Мендель.

– Довольно молодой. Высокий, светловолосый. И хладнокровный. Непроницаемый, как скала. После того как он мне заплатил, я его больше ни разу не видел. Он отправлял мне письма откуда-то из Лондона, напечатанные на простых листках. Просто: «Будь готов в понедельник вечером», «Будь готов во вторник вечером» и так далее. Мы обо всем заранее условились. Я оставлял машину во дворе, проверенную механиком и с полным баком. Он никогда не предупреждал, когда вернет ее. Обычно пригонял к закрытию моего заведения или позже. Бросал на прежнем месте с включенными подфарниками и запертыми дверцами. В карман дверцы клал по два фунта за каждый день использования.

– А что произошло бы в случае непредвиденных обстоятельств? К примеру, взяли бы тебя по какому-нибудь пустяковому делу?

– Он дал мне номер телефона. Велел позвонить и попросить к телефону определенного человека.

– Как ты должен был его называть?

– В том-то и дело, что он предложил мне самому выбрать для него прозвище. Я сказал, что он будет для меня Блондинчиком. Не думаю, что ему понравилось или он оценил юмор, но так и осталось. Номер был «Примроуз ноль ноль девяносто восемь».

– Ты им пользовался?

– Да. Пару лет назад меня сцапали и посадили в Маргейт на десять суток. Я решил, что будет лучше дать ему знать об этом. К телефону подошла девица – тоже голландка, судя по акценту. Она сказала, что Блондинчик в Голландии, но она передаст ему информацию. А потом я уже не утруждал себя звонками.

– Почему?

– Понимаешь, я кое-что стал соображать. Он приезжал за машиной регулярно раз в две недели – в первый и третий вторник каждого месяца, кроме января и февраля. В этот раз он объявился в январе впервые. Возвращал автомобиль, как правило, по четвергам. Странно, что он вдруг приехал сегодня. Но теперь у нас с ним все кончено, как я понимаю. – Скарр держал в огромной лапше открытку, которую взял у Менделя.

– Он делал паузы? Бывало, что долго не давал о себе знать?

– Зимой появлялся реже. В январе и феврале не приезжал никогда, как я сказал.

Мендель все еще сжимал в кулаке пятьдесят фунтов. И вдруг швырнул их Скарру на колени.

– Только не думай, что тебе повезло. Я бы не согласился поменяться с тобой местами и за вдвое большую сумму. И учти – я непременно вернусь.

Теперь Скарр действительно казался напуганным.

– Я бы не стал так с тобой откровенничать, – сказал он нервно, – но не хочу встречать ни в какие секретные делишки. Не могу допустить, чтобы моя старая добрая родина пострадала. Я прав, сквайр?

– О, ради всего святого, заткнись, – сказал Мендель, ощущая страшную усталость. Забрав у Скарра открытку, он выбрался из машины и побрел в сторону больницы.

Новостей не было. Смайли все еще оставался без сознания. Известили уголовный розыск. Менделю посоветовали продиктовать свои координаты и отправляться домой. Из больницы с ним свяжутся, как только появится новая информация. После долгих препирательств Мендель убедил старшую медсестру отдать ему ключи от машины Смайли.

Все-таки Митчам – не самое лучшее место, чтобы поселиться там надолго, решил он.

Глава 8

Размышления в больничной палате

Он ненавидел кровать, как утопающий, должно быть, ненавидит море. Он ненавидел простыни, в которые был укутан так, что не мог пошевелить ни ногой, ни рукой.

И он ненавидел эту комнату, потому что она пугала его. У двери стояла каталка со всякими медицинскими причиндалами вроде ножниц, бинтов и склянок с лекарствами, странными предметами, наводившими страх именно неясностью своего предназначения, причем некоторые были завернуты в марлю, словно для последнего причастия. Там стояли стеклянные банки – высокие, накрытые сверху белыми салфетками, которые напоминали хищных птиц, готовых в любой момент выклевать ему внутренности. В стеклянных сосудах поменьше лежали на дне резиновые трубочки, свернувшиеся змейками. Он ненавидел все это и боялся. Ему становилось жарко, и пот лил с него ручьями, а потом делалось холодно, и пот застыл где-то между ребер каплями запекшейся крови. День сменялся ночью снова и снова, но Смайли даже не подозревал об этом. Он вел отчаянную борьбу с сонливостью, потому что, стоило ему закрыть глаза, как они, казалось, обращались внутрь и взирали на хаос, царивший в его мозгу. Когда по временам веки смыкались просто под собственной тяжестью, он собирался с силами, чтобы разлепить их и снова видеть бледный свет, колыхавшийся где-то вверху.

Но затем наступил благословенный день, когда кто-то раздвинул шторы на окнах и пустил внутрь лучи зимнего солнца. Он услышал шум машин на улице и только тогда поверил, что теперь точно останется в живых.

Отныне проблема смерти снова переместилась в чисто умозрительную академическую плоскость, стала долгом, который он отдаст, как только разбогатеет и сможет сам оплатить собственный уход из жизни. Это было восхитительное в своей чистоте и простоте ощущение. Роскошное чувство. Его ум чудесным образом прояснился и царил над всей Землей подобно разуму Прометея. Кстати, где он слышал эту фразу: «Сознание как бы отделяется от тела, властвуя в бумажном королевстве...»? На него наводил тоску льющийся сверху блеклый свет, ему хотелось иметь возможность видеть больше. Он уже не мог выносить винограда, как и запахов меда, цветов и шоколада. Он нуждался в книгах и литературных журналах; как он мог продолжать научную работу, если ему не давали книг? О том историческом периоде, специалистом в котором он был, и без того написано крайне мало. Творцы XVII столетия не были по достоинству оценены литературной критикой.

Менделю позволили впервые навестить его только через три недели. Он вошел в палату, держа в руках новую шляпу и книгу о пчелах. Шляпу он разместил в ногах кровати, а книгу положил на тумбочку. На его лице играла улыбка.

– Я купил тебе книжку, – сказал он. – О пчелах. Это крошечные, но очень умные создания. Должны заинтересовать тебя.

Он присел на край постели.

– Еще я приобрел себе шляпу. Довольно дурацкую. В ознаменование своей отставки.

– Ах да! Я и забыл, что ты теперь тоже будешь пылиться на полке.

Оба посмеялись и снова замолчали.

Смайли часто моргал.

– Боюсь, ты у меня сейчас расплываешься перед глазами. Мне не разрешают пользоваться старыми очками. Обещают принести новые. – Он сделал паузу. – Ты узнал, кто это сделал, или нет?

– Быть может, и узнал. Пока трудно сказать. Но есть ниточка. Проблема в том, что мне пока слишком мало известно. Я имею в виду твою работу. Тебе о чем-нибудь говорит такое

название, как «Представительство сталелитейной промышленности ГДР»? То есть Восточной Германии?

– Да, что-то припоминаю. Они появились в Лондоне года четыре назад и зарегистрировались в Торгово-промышленной палате.

Мендель пересказал ему свою содержательную беседу с мистером Скарром.

– ... Назвался голландцем. Единственным способом связи с ним для Скарра был телефон с кодом «Примроуз». Я проверил абонента. Номер числился за представительством сталелитейной промышленности ГДР на Белсайз-парк.

Отправил одного из своих парней на разведку. Они оттуда съехали. Не осталось ничего. Никакой мебели, никаких бумаг или хотя бы канцелярской скрепки. Только телефонный аппарат, да и тот был с корнем вырван из розетки.

– И когда же они освободили помещение?

– Третьего января. В тот же день, когда был убит Феннан.

Он выжидающе посмотрел на Смайли.

– Свяжись с Питером Гилламом из министерства обороны и приведи его завтра сюда. Если придется, притащи за шкирку.

Мендель взял шляпу и направился к двери.

– До свидания, – сказал Смайли. – Спасибо за книгу.

– Завтра увидимся, – ответил Мендель и вышел.

Смайли откинулся на подушку. У него разболелась голова. «Черт, – подумал он, – я ведь забыл поблагодарить его за мед. Впрочем, он все равно купил его в „Фортнумс“».

Зачем же все-таки понадобился тот утренний телефонный звонок? Эта загадка мучила Смайли больше всего. Он понимал, насколько это глупо, но из всех необъяснимых деталей дела именно эта лишала его сна и покоя.

Объяснение, данное Эльзой Феннан, представлялось совершенно нелепым, абсолютно неправдоподобным. Энн – другое дело. Энн, если бы ей понадобилось, сумела бы поставить на уши всю телефонную станцию, но не Эльза Феннан. Ничто в ее настороженном маленьком интеллигентном личике не подтверждало странного утверждения, что она страдает рассеянностью. Это как раз было одной из противоречивых странностей характера самого Сэмюэла Феннана, которую Смайли обнаружил, когда готовился к беседе и наводил предварительные справки. Жадный читатель, любитель вестернов, отличный шахматист, музыкант, человек философского склада ума, но при этом – рассеянный. Из-за этого с ним однажды даже случился крупный скандал, когда он по ошибке вынес из здания МИДа секретные документы. Прихватил со стола вместе с номерами «Таймс» и вечерней газеты, сунул не глядя в портфель и отправился домой в Уоллстон.

Не поддалась ли Эльза Феннан в состоянии паники искушению закутаться в мантию мужа? Или даже взять на себя двигавший мужем мотив? Быть может, Феннан заказал звонок, чтобы ему о чем-то напомнили, а Эльза сделала это напоминанием себе? Вот только о чем было напоминание? Что именно его жена так усердно стремилась скрыть?

Сэмюэл Феннан. Новый и старый миры столкнулись в нем. «Вечный жид», культурный, космополитичный, целеустремленный, трудолюбивый, восприимчивый и, с точки зрения Смайли, весьма привлекательный внешне. Дитя своей эпохи, он, как и Эльза, подвергся гонениям, был вынужден покинуть принявшую когда-то его семью Германию и отправиться учиться в английский университет. А потом исключительно благодаря своим способностям сумел преодолеть все препятствия и предрассудки, чтобы попасть на службу в министерство иностранных дел. Это было немалое достижение, которого он добился исключительно за счет своего блестящего интеллекта. И если он немного возгордился, порой проявляя несогласие с решениями умов более приземленных и ограниченных, чем его собственный, то

его трудно в этом винить. В министерстве случился переполох, когда Феннан открыто поддерживал идею раздела Германии, но раздувать дела не стали, а просто перевели Феннана в департамент Азии, и вскоре казус забылся. В остальном же он проявил себя человеком великодушным и бескорыстным, был в равной степени уважаем и в Уайтхолле, и в Суррее, где несколько часов в неделю уделял благотворительности. Страстно увлекался горными лыжами. Каждый год он брал положенный ему отпуск целиком и проводил шесть недель в Швейцарии или Австрии. Насколько помнил Смайли, Германию он посетил лишь однажды – года четыре назад вместе с женой.

Выглядело вполне естественным, что в Оксфорде Феннан сблизился с левыми. То был период расцвета симпатий к коммунистам в университетской среде, а проповедовавшиеся ими идеалы, по понятным причинам, оказались ему близки. Приход к власти фашистов в Германии и Италии, вторжение Японии в Маньчжурию, мятеж Франко в Испании, депрессия в Америке, а прежде всего – волна антисемитизма, прокатившаяся по Европе. Феннан просто вынужден был искать политическую силу, которая помогла бы ему выплеснуть ярость и отвращение к происходившему. Кроме того, компартия пользовалась тогда уважением; неудачи, преследовавшие лейбористов, а затем и коалиционное правительство, убедили многих интеллектуалов, что только коммунисты способны стать эффективной альтернативой капитализму и фашизму. Добавьте сюда сам характер партии с ее духом товарищества и атмосферой конспирации, которые соответствовали некоторому духу авантюризма в характере Феннана и давали возможность избежать грозившего в противном случае полного одиночества. Он даже порывался воевать в Испании, и многие действительно отправились на ту войну, как Корнфорд – коммунист из Кембриджа, чтобы не вернуться живыми.

Смайли мог вообразить, каким был в те дни Феннан – полный энтузиазма, живой, очень серьезный, он мог, кроме того, поделиться со своими товарищами личным опытом реальных страданий, что делало его закаленным ветераном среди неоперившихся птенцов. Родители его умерли. Отец был скромным работником банка с единственной мечтой иметь небольшой счет в Швейцарии. Накопил он немного, но достаточно, чтобы сын смог себе позволить учиться в Оксфорде и не прозябать в бедности.

Смайли очень хорошо запомнил беседу с Феннаном. Она была одной из многих подобных, но все же складывалась иначе. И главное отличие заключалось в способе общения, в самом его языке. Феннан умел говорить так выразительно, так быстро, так уверенно. «Их величайший день наступил, когда пришли шахтеры из Рондды¹⁰, помните? – рассказывал он. – И для наших товарищей словно сам дух Свободы снизошел с холмов Уэльса. Это был марш голодных людей, но до членов нашей ячейки почему-то не доходило, что участники похода были голодны в буквальном смысле слова. Только я сообразил. Мы наняли грузовик, а девушки приготовили тушеное мясо – целые тонны. Говядину купили дешево у одного симпатизировавшего нам мясника на рынке. И на этом грузовике выехали встречать их. Они подкрепились и пошли дальше. Но, если честно, чувствовалось, что мы им не нравимся, не пользуемся их доверием. – Он рассмеялся. – Они все были такие низкорослые – это мне запомнилось особенно отчетливо, – приземистые и темные, как сказочные эльфы. Нам очень хотелось, чтобы они хором запели. И они затянули песню, но не для нас – для себя самих. Я тогда впервые встретил настоящих валлийцев.

И в чем-то, как мне показалось, это помогло мне лучше понять свою этническую принадлежность. Я ведь еврей, как вы, должно быть, знаете».

Смайли кивнул.

«А мои товарищи по партии не знали, что делать, когда люди из Уэльса пришли к ним домой. Как себя вести, если твоя мечта сбылась? В тот момент многим в Оксфорде стало

¹⁰ Имеется в виду поход безработных шахтеров в Лондон в ноябре 1936 г.

понятнее, почему в партии не слишком уважают интеллектуалов. Думаю, они почувствовали что-то вроде своей бесполезности и стыда. Стыдились мягких кроватей в спальнях, своих всегда сытых желудков и даже мудреных научных работ. Стыдились своих талантов и тонкого чувства юмора. Среди них бытовала легенда, что один из основателей лейбористского движения, Кир Харди, сам бывший шахтер, учился писать мелом на почерневшей от угля руке. И они устыдились своих письменных принадлежностей и дорогих сортов бумаги. Но ведь проблема состояла не только в этом, и ее нельзя было решить, попросту избавившись от излишеств обеспеченной жизни, понимаете? К этому я пришел очень скоро и, вероятно, потому покинул ряды компартии».

Смайли хотелось подробнее узнать о чувствах самого Феннана, но тот все продолжал говорить. Он понял, что не имеет с коммунистами ничего общего. Они были не взрослыми людьми, а незрелыми подростками, которым мечталось о кострах Свободы, цыганской музыке и Едином мире, который внезапно возникнет сам собой уже завтра. Им хотелось скакать на белых конях в прибое Бискайского залива. Им доставляло детское удовольствие угощать пивом голодных эльфов из Уэльса. Они, как несмышлениши, не способны были критически сопротивляться манящим лучам солнца с Востока и послушно поворачивали к нему свои лохматые головы. Они любили друг друга, а считали, что любят все человечество; они спорили друг с другом, а мнили, что решают судьбы планеты.

Уже скоро бывшие соратники стали казаться ему трогательными, но смешными. С его точки зрения, намного полезнее было бы вязать носки для солдат. Столь явное расхождение между мечтой и реальностью подвигло его на более пристальное изучение и того и другого. Он стал тратить почти все свое время на изучение исторических и философских трудов. К своему удивлению, он обнаружил, насколько его привлекает и успокаивает душевно сама по себе интеллектуальная простота и прямота марксизма. Он наслаждался его умственной безжалостностью, его увлекала смелость мыслей и решительная переоценка традиционных понятий. И кончилось тем, что именно теория, а не членство в партии, дала ему силы пережить одиночество, философия, требовавшая безоговорочно пожертвовать всем во имя неопровержимой идеи, что его унижало и вдохновляло одновременно. А потом, когда ему удалось добиться успеха, процветания и интеграции в общество, он с грустью отвернулся от сокровищ мудрости, которые перерос и поневоле должен был оставить там, в Оксфорде времен своей юности.

Так Феннан описал свою эволюцию, а Смайли поверил и понял. Это едва ли была та история озлобленности и отторжения, к каким Смайли привык в подобных беседах, и (вероятно, именно поэтому) она показалась ему гораздо более реалистичной. Но от разговора все же остался некоторый осадок: Смайли был уверен, что Феннан так и не поделился с ним чем-то крайне важным.

Но сейчас куда интереснее было другое. Существовала ли прямая, основанная на фактах связь между инцидентом на Байуотер-стрит и смертью Феннана? Смайли уже упрекал себя, что чересчур увлекся очевидными совпадениями. Если же смотреть трезво, то ничто, за исключением последовательности событий, пока не подтверждало, что Феннан и Смайли стали действующими лицами одного и того же дела.

Хотя не одна лишь последовательность событий сыграла свою роль. Нельзя было сбрасывать со счетов интуицию Смайли, его опыт – называйте как хотите, хоть шестым чувством. Именно это заставило его позвонить в дверь собственного дома. Но, однако же, не уберегло от преступника, стоявшего в ночи у него за спиной с обрезком свинцовой трубы в руке.

Беседу с Феннаном он провел неформально, что правда, то правда. Парк, по которому они прогуливались, больше напоминал ему об Оксфорде, чем об Уайтхолле. Да, процедура была необычной – поход в парк, потом столик в кафе у Миллбанк, но как это выглядело со стороны? Чиновник из МИДа прогуливается и очень серьезно разговаривает с каким-то

невысоким, никому не известным мужчиной... Вот только что, если личность мужчины как раз была кому-то хорошо известна?

Смайли взял книжку в бумажном переплете и принялся карандашом писать на форзаце:

Есть предположение, которое пока ничем не подтверждено: что убийство Феннана и покушение на убийство Смайли – это звенья одной цепи. Какие обстоятельства связывали Смайли с Феннаном до гибели последнего?

1. До беседы, состоявшейся в понедельник 2 января, я никогда с Феннаном не встречался. Я лишь ознакомился с его личным делом в министерстве и провел кое-какую подготовительную работу.

2. К зданию министерства я добрался 2 января один и на такси. Нашу беседу организовали чиновники форин офиса, но они не знали, и это следует особо подчеркнуть, кто именно будет ее проводить. Отсюда следует, что ни Феннан, ни кто-либо другой за пределами моей собственной организации не имели обо мне никакой предварительной информации.

3. Сама по себе беседа распалась на две части: первая проходила в стенах форин офиса, где рядом постоянно находились люди, которые не обращали на нас никакого внимания, зато вторая протекала там, где нас мог видеть кто угодно.

Что же из этого вытекает? Ничего, если только...

Да, отсюда следовал единственный вывод: некто наблюдавший за ними на улице узнал не только Феннана, но и Смайли, причем их встреча вызвала с его стороны бурную негативную реакцию.

Почему? Чем Смайли мог быть опасен? Ответ вроде бы казался очевидным, но для Смайли он стал почти прозрением. Естественно, опасность он мог представлять только по одной причине. Он был офицером секретной службы. В данном конкретном случае – сотрудником контрразведки.

Он отложил карандаш в сторону.

Стало быть, тот, кто убил Сэма Феннана, был до крайности обеспокоен его контактом с британской службой безопасности. По всей видимости, кто-то в министерстве иностранных дел. И ему была известна также личность Смайли. Вероятно, Феннан знал убийцу еще по Оксфорду, знал как коммуниста, и тот, не желая огласки, опасался, что Феннан заговорит, если уже не заговорил. А если заговорил, то, стало быть, и Смайли подлежал устранению – причем срочному, пока он не составил детальный рапорт о проведенной беседе.

Это объясняет убийство Феннана и покушение на Смайли. Вроде бы в такой версии присутствовал здравый смысл, хотя и в умеренных дозах. Он построил высоченный картонный домик. Дальше строить было вроде бы некуда, но на руках еще оставалось много карт. Например, Эльза, ее ложь, ее возможное соучастие, ее страх. А была еще прокатная машина и тот звонок в восемь тридцать утра. Как быть с этим? И тогда вызывало вопросы анонимное письмо. Если убийцу пугала связь между Смайли и Феннаном, он едва ли написал бы письмо, привлекая к Феннану внимание спецслужб. Тогда кто же его написал? Кто?

Он откинулся в кровати и закрыл глаза. В голове снова пульсировала боль. Вероятно, Питер Гиллам сумеет помочь. На него вся надежда. А пока голова у Смайли шла кругом и разболелась с новой силой.

Глава 9

Подчищая за собой

Мендель привел в палату Питера Гиллама, улыбаясь во весь рот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.